

Українскій Вѣстникъ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей *М. А. Славинскаго* и при ближайшемъ участіи
проф. *М. С. Грушевскаго*, проф. *Д. Н. Овсянко-Кули-*
ковскаго и *А. А. Русова*

2-го Августа 1906 г.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

№ 11

Редакція № закончена 1 августа

Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерин. кан., 71--6.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

„На другой дехъ“.

Роспускъ Думы бросилъ Россію снова въ политику приключеній, которой предѣловъ и всѣхъ печальныхъ возможностей мы въ настоящее время даже не можемъ предвидѣть. Какъ ни плохи были условія, въ которыхъ создалась первая Дума, какъ ни случаенъ былъ ея составъ, но то обстоятельство, что она отражала въ себѣ довольно нолно требованія и стремленія общества, и—что еще важнѣе—что она, въ преобладающемъ своемъ составѣ, совершенно искренно стремилась служить органомъ этихъ стремленій и требованій, а не какихъ-либо классовыхъ или партійныхъ вождедѣній, давало обществу нѣкоторую надежду при ея помощи выйти изъ нынѣшняго смутнаго времени, преодолѣвъ силою общественнаго мнѣнія сопротивленіе цѣплявшихся за остатки стараго режима черныхъ сотенъ, и разрѣшить мирнымъ, законодательнымъ путемъ проблему обновленія Россіи. Надежда была утлая, которую на каждомъ шагу колебали до основанія выходки правящей бюрократіи, но былъ все же нѣкоторый просвѣтъ, нѣкоторая руководящая нить, съ которою координировались чаянія и запросы общественныхъ и національныхъ элементовъ Россіи, и при свѣтѣ этого просвѣта шло живое обсужденіе формулъ сочетанія этихъ интересовъ и запросовъ, открывалась перспектива работы

въ смыслѣ осуществленія такого сочетанія. Но просвѣтъ исчезъ, и мы снова очутились во мракѣ самой худшей изъ возможныхъ—реакціонной анархіи. Кличъ борьбы съ общимъ врагомъ—возрождающейся реакціей, предъ которою должны отступить на второй планъ всѣ частныя раздоры и счеты, съ новою силою раздастся и, несомнѣнно, найдетъ отзывъ во всѣхъ истинныхъ друзьяхъ освобожденія Россіи.

Не намъ, конечно, ослаблять всю силу и напряженность этого призыва. Но, откликаясь на него и сообразуя съ нимъ ближайшія задачи своей національной работы, мы не должны, — мы не вправѣ откладывать, даже вносить какое-либо ослабленіе въ эту послѣднюю. Разными дорогами пойдутъ въ бой съ темною силою общественныя и національныя группы Россіи, и въ интересахъ общей цѣли необходимо, чтобы онѣ, каждая со своей позиціи, приблизили насъ къ побѣдѣ надъ нею, а не то, чтобы онѣ бросали свои ближайшія дороги и сбивались въ беспорядочную массу. Дѣлая все возможное въ организациі своихъ народныхъ силъ для борьбы съ бюрократическимъ абсолютизмомъ и централизмомъ, прогрессивная украинская интеллигенція окажетъ дѣлу освобожденія Россіи гораздо большія услуги, чѣмъ въ роли волонтеровъ, бросившихъ свои части и забѣжавшихъ въ чужія.

Отреченіе отъ работы на своей національной почвѣ или отсрочка ея до „болѣ спокойныхъ, нормальныхъ условій“ и была бы весьма неудачною услугою общему дѣлу, не говоря о томъ невознаградимомъ ущербѣ, который бы потерпѣли нетерпящіе отлагательства интересы украинскаго народа, своихъ обязанностей предъ которымъ украинская интеллигенція не имѣетъ кому предать, и исполненіе которыхъ она не вправѣ отлагать до побѣды надъ общимъ врагомъ.

Въ своемъ увлеченіи задачами политическаго освобожденія Россіи наиболѣе активные элементы украинскаго общества не разъ забывали объ этомъ, съ невознаградимымъ вредомъ для интересовъ своего народа и съ весьма малымъ выигрышемъ для общаго дѣла, для борьбы „съ общимъ врагомъ“, въ которой до сихъ поръ могли принять участіе только отдѣльныя, болѣе сознательныя единицы, а не коснѣющія въ кромѣшной тѣмѣ, лишеныя всякаго культурнаго и общественнаго руководства (невозможнаго, конечно, внѣ національной почвы, внѣ национальной работы) украинскія народныя массы. Я позволю себѣ напомнить старыя, но, увы,—далеко не пережитыя—замѣчанія Драгоманова о вредныхъ послѣдствіяхъ, какія имѣло пренебреженіе національными моментами со стороны участниковъ освободительнаго движенія—украинцевъ предшествующаго поколѣнія. Замѣчанія эти тѣмъ болѣе вѣски, что они вышли изъ устъ дѣятеля такъ далекаго отъ національныхъ преувеличеній: украинскіе національные запросы Драгоманова весьма мало выходили за предѣлы ихъ мінімум'а, и тѣмъ не менѣе, оцѣнивая участіе украинскіхъ элементовъ въ освободительномъ движеніи, начиная съ декабристовъ, онъ писалъ:

„Судьба Соединенныхъ Славянъ въ извѣстной степени повторилась, но еще болѣе трагично, съ тѣми „южанами“, которые пристали къ „русскимъ социальнымъ революціонерамъ“ 70-хъ годовъ. Общій прогрессъ демократическихъ идей въ теченіе XIX ст. и науки объ украинскомъ народѣ пробудили и въ этихъ „южанахъ“ чувство національной связи съ окружающимъ ихъ народомъ и даже сознание значенія порывовъ этого народа къ свободѣ. Но по разнымъ причинамъ, которыя мы обсуждали при другихъ случаяхъ, многіе „южане“ не сочли для себя нужнымъ образовать изъ себя самостоятельныя группы, имѣющія цѣлью прежде всего не-

посредственно работать для этого, украинскаго народа, а отложили не только образованіе изъ себя подобныхъ группъ, но и открытое заявленіе своихъ украинскихъ симпатій и даже вообще федеральныхъ идей „на другой день послѣ побѣды надъ общимъ врагомъ“. Въ этотъ „другой день“ они надѣялись обуздать и тѣ національно-централистическія поползновенія, которыя сами „южане“ замѣчали у многихъ изъ ихъ „русскихъ“ союзниковъ подъ космополитическими фразами. Но какъ и слѣдовало ожидать, всѣ эти и подобные расчеты „южанъ“ оказались ошибочными. Не будемъ говорить лишній разъ о томъ, что невниманіе къ мѣстнымъ украинскимъ условіямъ отняло у „южанъ“ почву (и при томъ благодарную!) для лучшей стороны ихъ дѣятельности. Но, согласившись поставить свои стремленія къ *политической свободѣ*, къ которымъ они съ такимъ трудомъ выбились,—не безъ вліянія традицій своей родины,—изъ мистицизма „русскаго народничества“, согласившись поставить эти стремленія подъ устарѣлый централистическій девизъ *народной воли*, приличный болѣе абсолютизму религіозно-политическихъ сектъ XVI—XVIII вв., чѣмъ современнымъ понятіямъ о свободѣ,—федералисты-южане затемнили передъ обществомъ самую сущность своихъ политическихъ идеаловъ. Умолчаніе же „южанъ“ о своихъ украинскихъ симпатіяхъ имѣло еще худшія послѣдствія. Этимъ умолчаніемъ „южане“,—которые принадлежали къ числу самыхъ энергическихъ и самоотверженныхъ членовъ извѣстной партіи, и потому погибли первыми,—дали, послѣ своей гибели, тѣмъ самымъ національно-централистическимъ элементамъ, которые они рассчитывали обуздать послѣ побѣды надъ общимъ врагомъ, но которые пережили ихъ,—возможность эксплуатировать ихъ собственныя имена и ихъ гибель въ пользу стремленій прямо противоположныхъ тѣмъ, за которые погибли вышеупомянутые южане: въ пользу подновленныхъ теорій бюрократизма и обрусенія,

своего рода катковщины въ бланкистскомъ и марксистскомъ плащѣ“ *).

Эти предостереженія такого искренняго и пламеннаго поборника политическаго освобожденія Россіи, какимъ былъ покойный Драгомановъ, заслуживаютъ большого вниманія, въ особенности его замѣчаніе, брошенное тутъ лишь вскользь о томъ ущербѣ, какой наносили „южане“ самому дѣлу освобожденія своей оторванностью отъ національной почвы, отъ національныхъ украинскихъ освободительныхъ традицій. Нѣтъ сомнѣній, что украинцы—участники освободительнаго движенія—принесли бы ему гораздо большую услугу, если бы сочетали служеніе общеполитическимъ задачамъ съ энергическою національною дѣятельностью, если бы въ своихъ политическихъ стремленіяхъ сохранили единеніе съ народомъ на національной почвѣ,—развивая національныя связи, соединяющія ихъ съ народными массами и работая надъ культурнымъ и общественно-национальнымъ воспитаніемъ своего народа, чтобы ввести его въ пониманіе своихъ политическихъ требованій. Съ другой стороны, отъ координированія общественныхъ и политическихъ задачъ освободительнаго движенія съ національными, это движеніе только выиграло бы въ силѣ притяженія, въ напряженности и прочности. Это нужно твердо помнить теперь и украинцамъ и всѣмъ друзьямъ освободительнаго движенія, чтобы не повторить еще разъ, хотя бы въ иныхъ условіяхъ, роковой ошибки, на которую указывалъ Драгомановъ.

Украинское движеніе въ силу своихъ освободительныхъ традицій и въ силу тѣхъ условій, въ которыя по-

*) Письмо Н. И. Костомарова къ издателю „Колокола“ съ предисловіемъ М. Драгоманова, 1885, с. VII—VIII (я цитирую его съ пропускомъ нѣкоторыхъ словъ, мало понятныхъ внѣ связи съ предшествующимъ, и съ исправленіемъ нѣкоторыхъ типографскихъ ошибокъ).

ставилъ его старый режимъ Россіи, сложилось въ такую рѣзкую оппозицію ему, что всякое дальнѣйшее движеніе украинства не можетъ быть инымъ, какъ только оппозиціоннымъ,—уже въ силу того одного, что старый режимъ не оставлялъ ему никакого мѣста для компромиссовъ, для оппортунизма. Всякая работа въ украинскомъ національномъ смыслѣ можетъ быть поэтому только плюсомъ для освободительнаго движенія. Исполняя свой долгъ предъ своимъ народомъ національною работою, отъ которой они не имѣютъ права отказаться, такъ какъ украинскія народныя массы, поставленныя старымъ режимомъ въ худшія культурныя и общественныя условія, чѣмъ какая-либо другая народность Россіи, болѣе чѣмъ кто-либо требуютъ теперь такой работы отъ своей интеллигенціи, — украинцы уже тѣмъ самымъ являются дѣятельными союзниками освободительнаго движенія. Они должны только постараться координировать свою національную работу съ его текущими задачами, а не откладывать, тѣмъ менѣе — не отречься отъ своихъ національныхъ запросовъ и нуждъ.

Старый режимъ столѣтіями безпощадныхъ, не оставлявшихъ мѣста для уступокъ, запрещеній и гоненій неустанно ковалъ и закаливалъ украинство въ борьбѣ съ нимъ. Пусть же звенитъ и сверкаетъ этотъ благородный клинокъ въ общей борьбѣ за освобожденіе, — его нѣтъ надобности откладывать „до слѣдующаго дня послѣ побѣды“, преступленіемъ было бы отдать его въ ломъ, чтобы отлить орудіе „для общаго дѣла“. Онъ можетъ сослужить этому дѣлу лучшую службу, оставаясь тѣмъ, чѣмъ онъ есть.

Проф. М. Грушевскій.

Къ будущимъ выборамъ.

„Дума умерла, да здравствуетъ Дума“!—сказалъ недавно англійскій первый министръ Кампбель-Баннерманъ, и въ справедливости этихъ словъ не можетъ быть сомнѣнія; какими ужасами ни было бы чревато будущее: революціями, репрессіями, казнями, забастовками, кто бы ни побѣдилъ,—къ прошлому возврата быть не можетъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ должна собраться новая Дума, избранная тѣмъ или инымъ способомъ, какой опредѣлится ходомъ исторіи. Но будущая Дума не можетъ быть тождественной съ предыдущей. Первая Дума, по удачному выраженію, была Дума гнѣва и негодованія за все мучительное прошлое; за короткое время своего существованія она лишь успѣла бросить тѣ или иные основные принципы реформъ, и большую часть времени творила судъ надъ отживающимъ режимомъ. Теперь страна устала и измучена, она жаждетъ зажечь по новому, хочетъ очнуться отъ страшнаго кошмара, и новая Дума должна быть Думой реформъ, Думой реорганизаціи всего государства, другими словами, Думой съ учредительными функціями. И въ виду измѣненія характера Думы долженъ измѣниться и характеръ партій. Въ первую Думу избиратели посылали людей, не углубляясь въ ихъ программы, или, лучше сказать, посылали людей, съ программой которыхъ часто не были согласны, лишь бы они были оппозиціонно настроены, и потому кадеты, именно и преимущественно партія оппозиціоннаго настроенія, одержали

такую блестящую побѣду на выборахъ надъ слишкомъ мирными октябристами.

Новая Дума потребуеть болѣе опредѣленныхъ, дѣловыхъ программъ по вопросамъ насущнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ событія послѣдняго времени передвинули всю страну влѣво. И вотъ октябристы сливаются съ новой партией мирнаго обновленія, куда несомнѣнно войдутъ и наиболѣе правые изъ партій к. д. и д. р., и ими выдвигается программа реальныхъ практическихъ реформъ, почти тождественная съ программой п. д. р. Кадетамъ неизбѣжно придется подвинуться тоже влѣво и выставить не прежнюю расплывчатую программу всеобъемлющаго характера, а ясно опредѣлить свое положеніе по тѣмъ пунктамъ, которые подлежатъ ближайшему разрѣшенію въ будущей Думѣ. Въ кадетской партіи всегда замѣчалось два теченія: правое, представленное членами изъ центра, и лѣвое — изъ окраинъ; желѣзная дисциплина, которой обязана партія своими успѣхами, подавляла лѣвые элементы и подчиняла ихъ центральному комитету, почти цѣликомъ составленному изъ правыхъ, но это и отталкивало отъ партіи многихъ окраинныхъ избирателей, близкихъ къ кадетамъ по стремленіямъ, но расходившихся по многимъ пунктамъ ихъ универсальной программы. Теперь, подаваясь влѣво, партія должна пойти на встрѣчу стремленіямъ своего лѣваго крыла, т. е. окраинъ, къ тому же составляющихъ $\frac{2}{3}$ населенія Россіи. А стремленія эти ясны и опредѣленны; они заключаются въ созданіи политическихъ свободъ и равноправія и реформъ мѣстнаго самоуправленія на демократической основѣ въ смыслѣ крайней децентрализаціи во всѣхъ сферахъ государственной власти.

Направленіе старой Думы, какъ спеціально карательной, не дало простора федеративнымъ стремленіямъ національностей, платформа на выборахъ была иная. Избиратели забыли о своихъ насущныхъ потребностяхъ и выбирали ораторовъ, способныхъ пригвоздить къ позорному столбу старый

режимъ: доказательствомъ тому Кавказъ, гдѣ безчисленныя угнетенныя національности съ сильнымъ самосознаніемъ и старой культурой дали депутатовъ не автономистовъ, а социальдемократовъ, какъ наиболѣе сердитыхъ и рѣзкихъ.

Правда, въ Думѣ образовался союзъ автономистовъ, составленный изъ окраинныхъ депутатовъ разныхъ партій, но дѣятельности своей онъ не проявилъ, да и проявить не могъ, такъ какъ почти всѣ автономисты, будучи выбраны, какъ члены другихъ партій, должны были подчиняться партійной дисциплинѣ и отступаться отъ своего автономизма изъ-за общероссійскихъ интересовъ.

Въ виду предстоящихъ выборовъ, въ виду предстоящей грандіозной работы по пересозданію всего государства, вопросъ о федерализмѣ долженъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ, онъ долженъ быть краеугольнымъ камнемъ партійныхъ платформъ, и кадетской партіи необходимо опредѣленно вступить на путь федерализма, подъ опасеніемъ иначе исчезнуть съ политическаго горизонта; безъ этого въ нее не войдутъ сплоченныя окраинныя организаціи: армянская—дашнакцутюнъ, грузинская—сакартвело, убѣжденные украинцы, не могутъ примкнуть къ ней и мусульманскія организаціи, которымъ всѣмъ естественно было бы объединиться въ всероссійскій союзъ подъ знаменемъ конституціонной демократіи и федерализма. А правые кадеты все равно уйдутъ въ партію мирнаго обновленія.

Кромѣ удовлетворенія стремленій большей части населенія Имперіи, постановка въ первую очередь реформы мѣстнаго самоуправленія въ смыслѣ федерализма достигнетъ и громадной экономіи во времени. Безконечныя пренія по аграрному вопросу были вызваны тѣмъ крайнимъ разнообразіемъ условій земледѣлія и землевладѣнія, которымъ отличается Россія. И въ сущности и Дума, и кадетская партія въ особенности, пришли къ заключенію, что почти всѣ пункты аграрной реформы: норма оцѣнки, норма неотчуждае-

мыхъ участковъ, изъятія изъ подлежащихъ отчужденію земель, категоріи лицъ, получающихъ право на землю, условія отдачи имъ этой земли—должны быть переданы для разрѣшенія и видоизмѣненія на мѣста; такимъ образомъ весь проектъ представилъ бы лишь академическую работу, гдѣ значеніе сохранилъ бы лишь пунктъ первый о принудительномъ отчужденіи. Но очевидно и этотъ пунктъ утратитъ всю свою силу, если мѣстная организація, ему не сочувствующая, можетъ изъятіями, непомѣрными оцѣнками и прочими обходами свести его къ нулю.

Къ тому же мѣстныхъ организацій еще нѣтъ, и ихъ надо создать. Не проще ли начать съ ихъ созданія, съ созданія мѣстныхъ сеймовъ, избираемыхъ на основаніи 4 или 7-членной формулы, и прямо имъ передать разрѣшеніе аграрнаго вопроса, согласно мѣстнымъ потребностямъ и волѣ народа, съ правомъ принудительнаго отчужденія включительно? Еще серьезнѣе является вопросъ финансовый, какъ сейчасъ Россіи выйти изъ ея теперешняго кризиса, какъ спастись отъ грядущаго банкротства; если и теперь не хватитъ денегъ, то не будетъ ихъ больше и при реформахъ, ибо на нихъ нужны деньги и еще деньги, а благодѣтельные результаты сказываются не скоро. И при всемъ уваженіи къ профессорамъ финансоваго права—нельзя себѣ представить, какіе новые всероссійскіе источники доходовъ они могутъ найти, когда страна выжата, какъ лимонъ, когда государство потребляетъ 20⁰/₀ валовой производительности страны. Замѣна одного объекта обложенія другимъ, даже введеніе пресловутаго подоходнаго налога, не поможетъ, когда не съ чего взять; вѣдь надо помнить, что чистый доходъ всей фабрично-заводской промышленности (по даннымъ 1904 г.) составляетъ всего 85 милліоновъ, что Россія—крестьянское государство, и крестьянинъ одинъ платитъ и будетъ, что ни дѣлай, платитъ всѣ налоги. Что до сокращеній въ бюджетѣ, то, пока будетъ существовать централизованное государство,

можно сократить жалованіе высшимъ чинамъ, упразднить коннозаводство, въ общемъ сдѣлать экономію милліонъ въ 10, да и то съ трудомъ. А, конечно, не отъ такого сокращенія станетъ легче.

Крупные расходы составляютъ, кромѣ несократимыхъ платежей по долгамъ, изъ расходовъ на безчисленную армію мелкихъ чиновниковъ съ нищенскими окладами, на армію и флотъ, которые кромѣ того отнимаютъ отъ производительнаго труда свыше милліона самыхъ сильныхъ и здоровыхъ людей. Эти расходы сократить можно лишь упраздненіемъ чиновниковъ и замѣной воинской повинности милиціонной системой, что возможно лишь при федеральной организаціи Россіи, съ возможно мелкими самоуправляющимися единицами.

И потому вопросъ о федерализмѣ—вопросъ не только важный вообще, но насущный, не терпящій отлагательства, и реформа въ смыслѣ передачи всей полноты власти мѣстнымъ самоуправленіямъ должна быть исполнена будущей Думой въ первую же очередь послѣ утвержденія общихъ для всѣй страны принциповъ равноправія и политической свободы.

На украинцахъ, какъ самой многочисленной окраинной національности и притомъ наиболѣе демократической, лежитъ долгъ стать во главѣ федералистическаго движенія и перетянуть къ нему кадетскую партію, въ которой они имѣютъ видныхъ представителей, или, если партія на это не пойдетъ, создать новую партію федералистовъ-демократовъ, которая не только объединила бы всѣ народы окраинъ, но привлекла бы и многихъ русскихъ изъ центральныхъ губерній, особенно изъ Поволжья. Она могла бы быть самой сильной партіей въ Думѣ.

М. Томара.

Что такое національностъ?

VI.

Международное общеніе, „общіе“ и національные языки.

Въ концѣ предыдущей статьи мы выставили положеніе, гласящее, что *національностъ слагается путемъ заимствованій и обмѣна и развивается силою междунаціональнаго общенія*. Можно выразить это иначе: возникновеніе и развитіе національностей есть прямое и необходимое послѣдствіе развитія *цивилизациі вообще и высшей умственной культуры въ частности, а цивилизація и высшая умственная культура возникаютъ, развиваются, прогрессируютъ не иначе, какъ путемъ международного общенія, заимствованій и обмѣна*. Можно безошибочно утверждать, что на земномъ шарѣ не было примѣра, чтобы какое-нибудь племя, живя особнякомъ, достигло извѣстной высоты культуры исключительно собственными силами, самобытно, и чтобы оно создало само, „своимъ умомъ,“ свою національностъ. Китай не составляетъ исключенія: его изолированностъ и самобытностъ далеко не абсолютны. Издревле онъ находился въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми другими народами, а отъ одного изъ нихъ, и притомъ совершенно чуждаго ему по расѣ, по національному характеру и по всему строю жизни и мысли, именно—народа индійскаго, онъ заимствовалъ величайшее созданіе національнаго генія этого послѣдняго—*буддизмъ*, одну изъ самыхъ гуманныхъ и философскихъ религій міра.

Трудно указать въ жизни культурныхъ народовъ такую сторону, которая была бы совершенно свободна отъ вліяній извнѣ, трудно найти такое культурное достояніе, которое не

подлежало бы передачѣ, заимствованію, обмѣну. Издревле народы всюду находили и брали „свое добро“. Они заимствовали другъ у друга религіозныя идеи и культы, миѡы, техническія изобрѣтенія, произведенія искусства, сказки, поэмы, нормы права, мораль, науку, философію, письменность, литературныя формы и т. д.; и т. д. Ни расовая и племенная вражда, ни религіозная отчужденность и нетерпимость, ни безконечныя войны, ни плохіе пути сообщенія,—ничто не могло остановить этого процесса обмѣна, этого распространенія культурныхъ благъ по всему цивилизованному міру. Изучая эту миграцію культурныхъ благъ, эту пересадку религіи, техники, искусства, науки, философіи, права, этики и т. д. съ одной почвы на другую, мы вмѣстѣ съ тѣмъ изучаемъ и процессъ созданія и развитія національностей. Вездѣ, гдѣ мы находимъ ясно выраженные признаки національнаго творчества, мы открываемъ и слѣды заимствованій, прямыхъ и косвенныхъ вліяній извнѣ. Гдѣ этихъ вліяній и заимствованій мало, или гдѣ они ничтожны, тамъ оказывается слабымъ, неустойчивымъ, неяркимъ и національное творчество, тамъ расовая и племенная (этническая) психологія заслоняетъ собою національную. Народу нужно много заимствовать у другихъ народовъ и переиспытать многочисленныя вліянія извнѣ, чтобы создать свою національную физиономію и развить свое національное творчество. Это можно считать правиломъ, не допускающимъ исключеній. Другое правило, его дополняющее, гласитъ такъ: культурныя достоянія становятся источникомъ могущественныхъ вліяній и, передаваясь, развиваютъ творческую силу лишь тогда, когда на нихъ лежитъ печать яркаго національнаго творчества. Классическими примѣрами для иллюстраціи обоихъ правилъ служатъ: *Библия и христіанство*, созданія еврейскаго національнаго генія, носящія на себѣ слѣды сложныхъ вліяній извнѣ и прямыхъ заимствованій и ставшія общечеловѣческимъ достояніемъ,—*греческая поэзія, искусство, наука и философія*,—*римское право и латинская литература*,—*индійскія сказки и басни* (лучшее созданіе національнаго генія индусовъ въ области литературы) и *буддизмъ* (лучшее созданіе того же народа въ области религіи и этики),—*италианское искусство (живопись и скульптура) эпохи Возрожденія* и т. д. и т. д.—Любопытно было бы съ этой точки зрѣнія произвести наблюденія надъ тѣми фактами

заимствованія, подражанія и вліянія, какими переполнена новая исторія Европы. Экономическія, политическія, культурныя связи между народами за послѣдніе три вѣка стали несравненно тѣснѣе и сложнѣе, чѣмъ когда-либо, пути сообщенія достигли небывалаго развитія и усовершенствованія,— и нынѣ заимствованія совершаются съ легкостью, прежде невѣдомою, и въ огромныхъ размѣрахъ,—совершаются, такъ сказать, въ розницу и оптомъ, часто безъ разбора и критики; заимствуется все, важное и неважное, нужное и ненужное, полезное и вредное, прекрасное и уродливое. Все смѣшалось во всемірномъ культурномъ оборотѣ. Въ жизни каждаго народа совершается постоянный приливъ и отливъ инородныхъ элементовъ. Такъ вотъ, если присмотрѣться ближе къ этому приливу и отливу, то увидимъ, что наибольшее культурное значеніе и вліяніе въ разныхъ національныхъ средахъ имѣютъ именно тѣ элементы, которые, сами являясь результатомъ сложныхъ, перекрестныхъ международныхъ воздѣйствій, получили въ своей національной средѣ наиболѣе яркую національную форму. Достаточно указать на классическую французскую литературу XVII-го вѣка, на французскую философію XVIII-го, на Шекспира и Сервантеса, на нѣмецкую литературу XVIII-го и XIX-го в. в., на философію Канта, Гегеля, Шеллинга, на распространеніе новой русской литературы въ Зап. Европѣ и въ Америкѣ (при чемъ особенно знаменателенъ исключительный успѣхъ *Достоевскаго, Толстого и Горькаго*, т. е. писателей, такъ сказать, „слишкомъ русскихъ“), на всемірную популярность Ибсена и т. д. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ національнаго творчества и въ этихъ фактахъ его распространенія и всемірнаго вліянія бросается въ глаза наблюдателю прежде всего то, что тутъ происходитъ обмѣнъ лучшими продуктами національнаго творчества, что въ этомъ обмѣнѣ главное мѣсто принадлежитъ не тѣмъ продуктамъ, которые проще, легче (для усвоенія), доступнѣе и, такъ сказать, „дешевле обходятся“, а тѣмъ, которые сложнѣе, медленнѣе, труднѣе для усвоенія— именно въ силу лежащаго на нихъ рѣзкаго отпечатка національной психологіи. Въ этомъ процессѣ взаимныхъ заимствованій и вліяній замѣтенъ какъ бы нарочитый подборъ вещей, въ которыхъ національное творчество проявилось наиболѣе ярко и полно, и которыя поэтому труднѣе усваиваются, съ трудомъ поддаются переводу на чужой языкъ (а иногда оказы-

ваются совсѣмъ непереводимыми *). Въ области интернаціональнаго обмѣна высшими культурными благами наиболѣе цѣнными являются тѣ изъ нихъ, которыя, по своему національному духу и складу, наиболѣе чужды національному укладу заимствующаго народа. Послѣдній какъ бы инстинктивно чувствуетъ, что ему, для выработки и дальнѣйшаго развитія своей національной психики, необходимо познакомиться съ національною психикой другихъ народовъ, и преимущественно такихъ, этническія черты которыхъ представляются ему наиболѣе чуждыми. Историки всемірной культуры слишкомъ мало обращаютъ вниманія на эту сторону междунаціональныхъ культурныхъ отношеній. А между тѣмъ мы всюду наталкиваемся на нее и, мнѣ кажется, можно было бы использовать ее (конечно, съ надлежашей критикой и осторожностью) для объясненія того факта, что взаимный интернаціональный обмѣнъ между народами ближайше родственными, несмотря на всѣ благопріятныя условія (близость языковъ, географическое сосѣдство, общность культурныхъ традицій и т. д.) всегда налаживался труднѣе и хуже, чѣмъ между народами болѣе далекими другъ отъ друга по этническому происхожденію, по національности и въ другихъ отношеніяхъ. Обмѣнъ между романскими народами былъ не больше, а скорѣе меньше обмѣна между ними съ одной стороны и германскими народами съ другой. Такъ, Франція получила отъ Англіи и Германіи гораздо больше, чѣмъ отъ Италіи. Германія долго находилась подъ болѣе сильнымъ вліяніемъ Франціи, чѣмъ—Англіи. Нѣмцы, которые всегда стремились подавлять и онѣмечивать славянъ, нехотя сильно способствовали своимъ культурнымъ воздѣйствіемъ возрожденію и развитію тѣхъ славянскихъ національностей, которыхъ они не могли или не успѣли во-время поглотить. Излишне напоминать о французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ вліяніяхъ, подъ перекрестнымъ дѣйствіемъ которыхъ сложилась и окрѣпла русская (общерусская) національность за послѣдніе два вѣка. Для будущаго развитія украинской національности нѣмецкое вліяніе окажется плодотворнѣе славянскаго (рус-

*) Т. е. лучший переводъ даетъ лишь отдаленное представленіе о подлинникѣ, при чемъ множество *оттѣнковъ* мысли остается невыраженнымъ. Къ числу такихъ непереводимыхъ писателей я отношу Ренана и Мопасана.

скаго, польскаго и т. д.), и я склоненъ думать, что, даже при осуществленіи у насъ всѣхъ свободъ, очагомъ ея силы и распространенія надолго останется Галиція.

Большое вліяніе на развитіе новыхъ національностей имѣло изученіе античной древности. Эпоха Возрожденія въ Италіи была эпохой расцвѣта національнаго итальянскаго творчества подъ несомнѣннымъ воздѣйствіемъ классическихъ изученій. То же самое повторилось въ Германіи въ XVIII-мъ вѣкѣ (Лессингъ, Гете, Винкельманъ и др.). Да и повсюду изученіе классической древности такъ или иначе содѣйствовало развитію національнаго творчества, потому что суть дѣла сводилась тутъ не только къ усвоенію положительнаго содержанія идей, завѣщанныхъ греками и римлянами, сколько къ ознакомленію, къ общенію съ этими, столь оригинальными и яркими національностями. Ихъ вліянію на новыя національности въ указанномъ смыслѣ нисколько не мѣшало то обстоятельство, что античныя націи давно вымерли. и ихъ творчество осталось только въ памятникахъ литературы, философіи, искусства. Умершая національность, если только она оставила послѣ себя памятники своего творчества, продолжаетъ возбуждающимъ образомъ вліять на чужое національное творчество.

Итакъ, національные уклады психики не вырастаютъ самопроизвольно на своей этнической почвѣ, а возникаютъ и развиваются подъ перекрестнымъ воздѣйствіемъ международныхъ вліяній, заимствованій, обмѣна. Этотъ процессъ неизмѣнно сопровождается созданіемъ такъ называемыхъ *національныхъ языковъ*, которые и являются органами національнаго творчества.

Въ вопросѣ, насъ занимающемъ, этотъ фактъ имѣетъ первостепенное значеніе, и потому намъ необходимо остановиться на немъ нѣсколько долѣше. Что такое „національный языкъ?“ Какъ онъ возникаетъ, какъ развивается? Къ чему сводится его миссія? При какихъ условіяхъ онъ можетъ правильно и плодотворно исполнять эту миссію, и при какихъ онъ уклоняется отъ правильнаго пути и перестаетъ быть живымъ органомъ живого національнаго творчества? Какъ умираютъ, какъ исчезаютъ національные языки? Всѣ эти вопросы тѣсно связаны съ вопросомъ здоровіи и болѣзни самой національности.

Приступая къ ихъ разсмотрѣнію, прежде всего отмѣтимъ

слѣдующій фактъ, достаточно краснорѣчиво подтвержденный многовѣковымъ опытомъ всѣхъ культурныхъ народовъ. Казалось бы, въ интересахъ взаимнаго общенія и обмѣна, безъ чего нѣтъ національнаго развитія, народы должны были бы стремиться къ созданію общихъ, интернациональныхъ языковъ. Казалось бы, чѣмъ тѣснѣе международное культурное общеніе, чѣмъ интенсивнѣе обмѣнъ, тѣмъ меньше благоприятныхъ условій для образованія и развитія національныхъ языковъ, которые должны бы вымирать, уступая свое мѣсто языку интернациональному. Это—одно изъ тѣхъ апіорныхъ, на видъ самоочевидныхъ утверждений, которыя падаютъ при первомъ же знакомствѣ съ фактическимъ ходомъ вещей.

Общіе „интернациональные“ языки возникали уже въ глубокой древности. Это не были искусственно-созданные „воляпуки“,—но были частью „настоящіе“, живые или мертвые языки, силою вещей получившіе для извѣстной группы народовъ значеніе интернациональное, частью же это были смѣшанные изъ разноязычныхъ элементовъ жаргоны, предназначенные для разговорнаго общенія между разными племенами (такова напр. была „lingua franca“ въ передней Азіи). Какъ показалъ опытъ, эти жаргоны никакого культурнаго значенія не имѣютъ. Зато огромное культурное значеніе имѣли и частью еще сохраняютъ вышеупомянутые „настоящіе“ языки, живые или мертвые, получившіе интернациональное значеніе. Такую роль играли: мертвая латынь въ средніе вѣка, въ эпоху Возрожденія и позже, живой французскій литературный языкъ въ XVII и XVIII вв., древній греческій (литературный) въ античномъ мірѣ и на востокѣ (Малая Азія, Сирія, Палестина, Египетъ) въ теченіе ряда вѣковъ со временъ Александра Македонскаго и діадоховъ, литературный латинскій языкъ, еще сохранявшій подобіе живого языка,—на западѣ и востокѣ, во времена всемірной Римской имперіи,—санскритъ (издревле мертвый) въ Индіи и на островахъ Индійскаго архипелага,—церковно-славянскій, исполнявшій обязанность общаго литературнаго и церковнаго языка славянъ православнаго исповѣданія (русскихъ, сербовъ, болгаръ).

Нельзя отрицать культурное значеніе этихъ „языковъ посредниковъ“. Въ эпохи, когда національные языки не были развиты, когда національныя литературы либо совсѣмъ не существовали, либо находились въ зачаточномъ состояніи,

эти международные органы общенія являлись разсадниками просвѣщенія, разносили всюду культурныя блага и идеи, какія были въ наличности, и несомнѣнно содѣйствовали упроченію и успѣхамъ международнаго обмѣна. Въ особенности велика была заслуга, въ этомъ смыслѣ, языковъ греческаго и латинскаго, какъ органовъ общенія и обмѣна между различными народами древности; не менѣе значительными должны быть признаны и заслуги мертвой средневѣковой латыни. Упреки по адресу этой послѣдней въ томъ, что будто-бы она препятствовала національному развитію и творчеству новыхъ народовъ, оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, неосновательными, ибо въ средніе вѣка новыя—романскія, германскія и славянскія—національности находились еще въ эмбриональномъ состояніи; это не были національности, а только ихъ прецеденты, ихъ этнической матеріаль. Национальныхъ языковъ еще не было, а были только нарѣчія, нѣкоторыя изъ коихъ только что начинали получать кое-какую литературную обработку [готскій и славянскій (древне-болгарскій) переводы св. писанія, ранняя романская и германская поэзія]. Ни одно изъ этихъ нарѣчій не могло служить органомъ просвѣщенія и литературы, а также—что еще важнѣе—не могло явиться проводникомъ международныхъ культурныхъ вліяній. Такимъ проводникомъ могла служить въ теченіе долгихъ вѣковъ только латынь (а также, въ меньшей мѣрѣ, греческій языкъ Византіи). Эту миссію мертвая латынь выполнила блистательно и тѣмъ самымъ ускорила процессъ созрѣванія національностей и образованія национальныхъ литературныхъ языковъ, какъ романскихъ, такъ и германскихъ. Когда эти языки сформировались и могли стать живымъ органомъ національнаго творчества, мертвая латынь сошла со сцены и вскорѣ потеряла и свое международное значеніе. Съ XVII-го вѣка ея конкурентомъ въ этой роли выступаетъ литературный французскій языкъ. Французская литература становится общеевропейскою почти такъ, какъ была раньше общеевропейскою литература, писанная по-латыни. Но въ эту эпоху уже не было такой настоятельной надобности въ общемъ международномъ языкѣ, какъ это было прежде. Уже существовали и продолжали развиваться національные языки и литературы, кромѣ французской,—какъ англійская, итальянская, испанская, польская. Вскорѣ выступаетъ на сцену созрѣвавшая въ тиши съ XVI-го вѣка новая нѣмецкая лите-

ратура, выдвинувшая въ XVIII-мъ вѣкѣ рядъ великихъ умовъ и дарованій. Въ настоящее время въ Европѣ нѣтъ „общаго“ языка, который бы служилъ „посредникомъ“ между національностями и проводникомъ культурныхъ вліяній. Нѣтъ и соотвѣтствующей „общей“ литературы. Ихъ нѣтъ—за ненадобностью. Ибо культурное общеніе совершается непосредственно и гораздо лучше—силою національнаго творчества, которое немислимо безъ національнаго языка и для котораго всякіе „общіе“ языки, живые или мертвые, непригодны. Если еще Спиноза могъ писать по-латыни, а Лейбницъ по-французски, то уже Кантъ, Лессингъ, Гердеръ, Гете, Шиллеръ могли творить только силами нѣмецкаго языка. Въ особенности для поэтическаго творчества національный литературный языкъ, состоящій въ живой связи съ разговорною рѣчью и съ другими, ему родственными языками и нарѣчіями, становится *conditio sine qua non*, психологическою необходимостью.—Такимъ образомъ, „общіе“ языки вытѣсняются національными, сохраняя лишь значеніе органа дѣловыхъ сношеній (дипломатическихъ, коммерческихъ). Такъ называемая міровая литература слагается теперь изъ вкладовъ, вносимыхъ въ нее національнымъ творчествомъ. Въ прямую противоположность прошлому, когда она была одноязычна, она теперь многоязычна и состоитъ изъ твореній англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, русскихъ, польскихъ, шведскихъ и т. д. и, нѣтъ сомнѣнія, вскорѣ и многія другія національности, въ томъ числѣ и украинская, внесутъ въ нее свои вклады на своихъ языкахъ.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію вопроса *о національныхъ языкахъ*, мы постараемся показать, что они призваны исполнять двоякую миссію: одну—национальную въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. быть органомъ національнаго творчества, а другую—аналогичную той, какую нѣкогда исполняли „общіе“ языки: организовать и ускорять культурный обмѣнъ между народностями даннаго района, на которомъ тотъ или другой національный языкъ является объединяющимъ органомъ культуры, и этимъ путемъ содѣйствовать образованію изъ этихъ народностей новыхъ національныхъ укладовъ, изъ нарѣчій или языковъ, не имѣющихъ литературнаго развитія, создавать новые литературные языки, новые очаги національнаго творчества.

Д. Овсяннико-Куликовскій.

Еще объ аграрныхъ процессахъ на Украинѣ.

Выступая защитникомъ въ Черниговѣ по аграрнымъ дѣламъ въ минувшемъ юнѣ, мы впервые познакомились съ новой формой суда, оставшейся памятникомъ Акимовскаго законодательнаго творчества, — мы говоримъ о законѣ 18 марта, передавшемъ дѣла по 269¹ ст. подсудности окружныхъ судовъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Мѣра эта вызывалась практической необходимостью, ибо судебныя палаты *физически* лишены были возможности разобрать все дѣла объ аграрныхъ движеніяхъ, охватившихъ деревенскую Русь. Въ законѣ 18 марта достойно быть отмѣченнымъ развѣ только „довѣріе“ законодателя къ сословному представительству въ судѣ: въ особыхъ присутствіяхъ судебныхъ палатъ перевѣсъ давался короннымъ судьямъ (4 судьи и 3 сословныхъ представителя), въ окружныхъ судахъ съ участіемъ сословныхъ представителей — количество коронныхъ судей равно количеству сословныхъ представителей (по три).

Общая картина черниговскихъ „аграрныхъ дѣлъ“ — та-же давно знакомая картина экономического разоренія и культурной безпомощности деревни, которую мы по даннымъ аграрныхъ процессовъ намѣтили бѣгло въ статьѣ „Аграрные процессы на Украинѣ“ („Укр. Вѣстн.“, № 3). Но черниговскія дѣла внесли и нѣкоторыя новыя черты для характеристики болѣзненнаго процесса народной жизни, выражающагося въ такъ называемыхъ „аграрныхъ беспорядкахъ“, не лишена интереса и фактическая сторона этихъ дѣлъ, почему мы и посвящаемъ имъ краткую замѣтку.

Время дѣйствія — „октябрьскіе дни“ 1905 года. „Въ среднихъ

числахъ октября 1905 г. въ с. Бѣгачѣ, черниговскаго уѣзда—разсказываетъ обвинительный актъ по первому дѣлу—въ средѣ мѣстнаго крестьянства стали циркулировать слухи о томъ, что расположенная въ названномъ селеніи усадьба землевладѣльца великобританскаго подданнаго Лиддела Мортонъ—вскорѣ будетъ разгромлена крестьянами с. Бѣгача и сосѣднихъ съ нимъ селеній...“ По мнѣнію администраціи имѣнія слухи носили „характеръ полнаго вѣроятія“: въ сосѣднемъ городнянскомъ уѣздѣ уже вспыхнуло аграрное движеніе въ рѣзкой нѣгромной формѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черниговскаго уѣзда тоже начинались волненія, а отношенія между крестьянскимъ населеніемъ села Бѣгача и администраціей имѣнія Мортонъ „были непріязненны“. „Ближайшею причиною этихъ непріязненныхъ отношеній было воспрещеніе владѣльцемъ имѣнія не только пасти крестьянскій скотъ въ его лѣсахъ, вполтную прилежавшихъ къ крестьянскимъ землямъ, но *даже ходить и ѣздить* черезъ его лѣса и земли. Указанное распоряженіе владѣльца имѣнія, обусловленное его желаніемъ оградить отъ истребленія фазановъ и куропатокъ, искусственно разведенныхъ въ его лѣсахъ для охоты, въ высокой степени стѣсняло мѣстное крестьянское населеніе“... Къ этому обвинительный актъ не преминулъ, однако, присоединить, что „но удостовѣренію чиновъ мѣстной полиціи“—„почву для разгрома имѣнія“ подготовила и „революціонная пропаганда“, ведшаяся въ уѣздѣ... О „революціонной пропагандѣ“ ничто, впрочемъ, кромѣ ссылки на авторитетъ, „удостовѣренія“ чиновъ мѣстной полиціи, не свидѣтельствовало... 23 октября толпа мѣстныхъ крестьянъ вторглась въ прилегающую къ усадьбѣ имѣнія лѣсъ, въ которомъ были разведены куропатки и фазаны, выгнала изъ сторожки егеря и сожгла сторожку, а въ послѣдующіе дни разгрома усадьбы вся птица, находившаяся въ лѣсу, въ числѣ *нѣсколькихъ тысячъ штукъ*, была выгнана изъ лѣса на крестьянскія поля и здѣсь истреблена. Утромъ 24-го владѣлецъ имѣнія съ семьею выѣхалъ въ Черниговъ, оставивъ въ усадьбѣ управляющаго, приказчиковъ, рабочихъ и прислугу. Въ полночь съ колокольни сельской церкви раздался набатъ и собравшаяся по набату огромная толпа, въ нѣсколько сотъ человѣкъ,

вооруженная кольями и топорами, двинулась къ усадьбѣ имѣнія Мортонa. Событія явились иллюстраціей къ двустышію:

Идутъ мужжи и несутъ топоры:
Что-то страшное будетъ...

Къ утру разгромъ усадьбы былъ оконченъ, и толпа разошлась... Расхищенное имущество увезено на телѣгахъ, большой двухъ-этажный домъ — „дворецъ“, — состоявшій изъ сорока слишкомъ комнатъ, — сожженъ. При заревѣ пожара толпа проникла въ винный погребеъ и расхитила его. Къ разсвѣту многіе были няны, а нѣкоторые изъ грабителей въ полдень слѣдующаго дня найдены были во дворѣ усадьбы въ безчувственномъ состояніи. Интересно отмѣтить, что днемъ, передъ разгромомъ экономій была „сходка“, на которой, вопреки предложеніямъ—немедленно разгромить усадьбу имѣнія, было рѣшено отправить утромъ слѣдующаго дня къ владѣльцу имѣнія выборныхъ съ требованіемъ отвода земли мѣстнымъ крестьянамъ для пастбы скота. Утромъ, послѣ разгрома усадьбы толпа явилась на винокурный заводъ и заявила администраціи завода, что заводъ „принадлежитъ теперь крестьянамъ села Бѣгача“, что крестьяне выбрали изъ своей среды главноуправляющаго имѣніемъ, который и началъ всемъ распоряжаться. 26 октября усадьба Мортонa была занята прибывшими изъ Чернигова войсками, которыми и были удалены изъ уцѣлѣвшихъ зданій, какъ иронизируетъ кавычками обвинительный актъ, все члены „виновъ организованнаго управленія имѣніемъ“ *). Попыткой организовать свое управленіе въ экономіи, передаваемой въ собственность крестьянамъ, дѣло с. Бѣгача сближается съ дѣломъ с. Локнестаго, представляющимъ такую попытку въ чистомъ видѣ. Въ Локнестинскомъ дѣлѣ инициаторы движенія всеми силами препятствовали расхищенію имущества и расхищеніе виннаго погреба явилось приходящимъ эпизодомъ, при чемъ вина въ этомъ расхищеніи тѣхъ или иныхъ лицъ не установлена. Въ усадьбѣ все время оставался штатъ прислуги, отлично понимав-

*) Дѣло о разгромѣ экономіи Мортонa за цѣявкой важныхъ свидѣтелей слушаніемъ было отложено.

шей, что отвѣтственность за всякую пропажу надетъ на незаконныхъ управителей. Кромѣ того, когда назначенные обществомъ „управители“ послѣ ареста въ сосѣднемъ селѣ „главноуправляющаго“ разбѣжались, экономія осталась безъ хозяевъ. И до возвращенія законнаго управляющаго и прибытія властей съ войсками прошло извѣстное время. Грабежъ не входилъ въ планы руководителей движенія.

Когда одинъ изъ видныхъ участниковъ Локнистинскаго дѣла увидѣлъ, что толпа, пришедшая во дворъ экономіи гг. Капцевичей (кстати, владѣльцы имѣнія почти безвыѣздно живутъ за границей)—расхищаетъ кѣмъ-то изъ погреба принесенные яблоки, онъ закричалъ: „що ви робите, ми-жъ пришли *установить равенство*, а не грабувати.“ Другой увѣщевалъ толпу: „Бога ради не трогайте-се жъ ми за все отвѣчать будемъ, если растащите“... Изъ этихъ словъ ясно, что руководители были убѣждены въ правомѣрности своихъ дѣйствій и „отвѣчать“ за нихъ не предполагали.

Пришедшая во дворъ экономіи толпа народа составила приговоръ о томъ, что экономія переходить въ собственность всего общества с. Локнистаго. Тѣмъ-же приговоромъ были назначены должностныя лица „вновь организованнаго управленія“. Говорилось о томъ, гдѣ будетъ помѣщаться народное училище и гдѣ „демократическій союзъ“... Прислуга осталась таже, которая служила въ экономіи: ее пробовали распустить, но послѣ заявленія ея, что она должна получить расчетъ, ее оставили въ покоѣ. Кухаркѣ было сказано, что она нужна и новому управленію... Новое управленіе продолжалось 6 дней, при чемъ велось хозяйство, можетъ быть, не столь „разсчетливо“, какъ при старыхъ порядкахъ: г. прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи напиралъ на то, что при старыхъ порядкахъ въ день расходовалось три фунта сала, новое-же управленіе израсходовало въ 6 дней около 2 пудовъ. Но было удостовѣрено прислугой экономіи, что сало выдавалось всѣмъ приходившимъ и заявлявшимъ желаніе поѣсть. Во всякомъ случаѣ новая администрація вела приходо-расходные счета и всему израсходованному сдѣлала записи.

Исторію завладѣнія Локнистинской экономіей, случившагося 20 октября, обвинительный актъ начинается съ описанія майскихъ демонстрацій, устроенныхъ локнистинцами 19 апрѣля и 1 мая, когда они украсили лодки красными флагами и подъѣхали по разливу Десны къ экономіи. Демонстранты—по словамъ обвинительнаго акта—вели себя „вызывающе“, безъ спроса явились въ экономію, вышучивали управляющаго и предъявили требованія объ отѣнѣ отработковъ за землю и уменьшеніи арендныхъ цѣнъ. При этомъ говорили, что, если требованія не будутъ удовлетворены, то будетъ „бунтъ“. Какъ майскія демонстраціи, такъ и нѣкоторые другіе факты локнистинскаго дѣла, весьма однако скудно освѣщенные и на предварительномъ и на судебномъ слѣдствіяхъ, указываютъ, несомнѣнно, на нѣкоторое вліяніе со стороны, на то, что на протокольномъ языкѣ называется „революціонною пропагандою“... Если сравнить дѣло с. Вѣгача съ Локнистинскимъ, то нельзя не признать, что вліяніе пропаганды повело къ смягченію остроты движенія. Повторяю, факты пропаганды и ея идейнаго содержанія на судебномъ слѣдствіи не удалось освѣтить съ достаточною полнотою... Г. предсѣдатель суда всячески стѣснялъ попытки подобнаго освѣщенія, настаивая, что подсудимые не обвиняются въ *политическомъ* преступленіи и потому нѣтъ надобности выяснять роль политической пропаганды(!). Между тѣмъ даже обвинительный актъ въ качествѣ улики противъ одного изъ подсудимыхъ приводитъ найденныя у него при обыскѣ двѣ пустыя бутылки изъ виннаго погреба Локнистинской экономіи и революціонную литературу... Интересенъ составъ этой „революціонной“ литературы, отобранной у крестьянина при обыскѣ городовымъ. Среди нея между описаніемъ бунта на „Потемкинѣ“ (изд. „Искры“) и т. п. нашлось не мало *разрѣшенныхъ цензурою* листовъ „Донской Рѣчи“ и между прочимъ листокъ „Что такое земсво“ въ 2-хъ экземплярахъ. Мы спросили у городского, фигурировавшего свидѣлемъ, чѣмъ онъ руководствовался при отобраніи такой литературы? и получили отвѣтъ: „а такъ—что противоправительственное, то я и отобралъ“. Городовой, повидному, находилъ, что все печатное—въ рукахъ крестьянина противоправительственное. Но надъ подобнымъ

взглядомъ не возвысился и и. д. начальника жандармскаго управленія, переславшій всю отобранную „противоприветственную“ литературу судебному слѣдователю. Вся она—при жандармской препроводительной бумагѣ и была подшита къ дѣлу. Мы потому подробно останавливаемся надъ этимъ на первый взглядъ мелкимъ фактомъ, что онъ такъ кричаще свидѣлствуетъ объ одной изъ главнѣйшихъ причинъ болѣзненныхъ вспышекъ народнаго движенія, въ основѣ котораго, по удостовѣренію даже администраціи, лежитъ народная нужда*). До сихъ поръ еще не извѣрились въ безсиліи полицейской опеки, до сихъ поръ еще смотрятъ на народъ, какъ на дитя въ лучшемъ случаѣ, ибо сплошь и рядомъ смотрятъ на него и какъ на „быдло“; для управленія которымъ нуженъ кнутъ... Держать народъ въ темнотѣ и удивляются, что выведенный изъ терпѣнія онъ дѣйствуетъ иногда, какъ дикарь, и своимъ судорожнымъ движеніемъ часто только еще туже затягиваетъ петлю на своей шеѣ. Какъ огня бояться „пропаганды“ и за одно съ искорененіемъ „революціи“ хотятъ искоренить всякую мысль. А между тѣмъ—Локнистинское дѣло свидѣлствуетъ, что „пропаганда“ несетъ съ собой явно благотворное вліяніе. Подробности дѣла полны наивностей и фантастичныхъ бредней, но—вѣдь надо сдѣлать диктуемый жизнью шагъ, надо признать за народомъ право на просвѣщеніе: надо дать ему возможность знать я что такое земство, и что такое государство, и многое другое. Тогда борьба крестьянства за землю и волю пойдетъ болѣе законномѣрнымъ и правовымъ путемъ. Это примитивно до банальности. Аграрныя движенія начались

---

*) Мы совершенно опускаемъ характеристику ужасной нищеты, какъ въ дѣлѣ с. Бѣгача, такъ и въ дѣлѣ с. Локнистаго, исполнѣ установленной многочисленными данными. Въ общемъ картина народнаго разоренія достаточно извѣстна и статистическія данныя о селахъ Бѣгачѣ и Локнистомѣ, увы, ничего пзъ ряда выходящаго не представляютъ. Свидѣтели по дѣлу с. Локнистаго довольно единодушно и рѣзко говорили о томъ, что управляющій съ крестьянъ „шкуру дралъ“. О томъ-же говорилъ въ „последнемъ словѣ“ и одинъ изъ главныхъ подсудимыхъ. Наличность побужденій, требуемыхъ 269¹ ст., такимъ образомъ, была неоспорима...

не со вчерашняго дня: правительственная власть отвѣтила на нихъ репрессіями: скорпіоны судебные, скорпіоны административные, казацкія нагайки—все это обрушилось на голову обездоленнаго крестьянства. И что-же? — каждый разъ, когда карающій мечъ правосудія опускался на виновныхъ, происходило то, что такъ красиво изображено въ былинѣ „Отчего перевелись богатыри на Руси“.

„Похвастались богатыри одолѣть „силу нездѣшнюю“ и предстали передъ ними два воеводы, вызывая на бой. Налетѣлъ на нихъ Алеша Поновичъ и ударилъ со всего плеча.

„Стало четверо и живы всѣ“ налетѣлъ Добрыня-молодецъ.

„Стало восьмеро и живы всѣ“... Налетѣли всѣ вмѣстѣ—„стали топтать-рубить“, а „сила все растеть, да растеть, все на витязей съ боемъ идетъ“...

„Не столько ихъ мечи рубять,
Сколько кони добрые топчуть,
— А сила—все растеть, да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ“...

Карающій мечъ правосудія и административныя кары, и казацкія нагайки—вызвали—„силу нездѣшнюю“, грозящую гибелью государства... Надо перестать думать о подавленіи „бунта“, спасеніе въ томъ, чтобы открылись пути закономѣрной, правовой борьбы. „Не дай Богъ увидѣть русскій бунтъ—безсмысленный и безпощадный“—говорилъ Пушкинъ. Вся государственная внутренняя политика толкала народъ на „бунтъ“. Мы видѣли безсмысленное, видѣли страшное и съ ужасомъ сознавали, что пощада и не заслужена... Одинъ свидѣтель по Локнистинскому дѣлу глухо разсказывалъ, что пріѣзжій агитаторъ, конечно, „едва-ли не жидъ“ говорилъ между прочимъ, что „не нужно самодержавія“... Было время когда въ полицейско-жандармскихъ ушахъ это звучало, какъ землетрясеніе. Времена измѣнчивы... Что-бы ни говорили агитаторы, какіе бы несбыточные мечты они не вселяли въ народныя головы, они никогда не толкнутъ на тѣ ужасы, на которые способна только безпросвѣтная темень... Несбыточные мечты не опасны, если условія жизни нормальны. Иллюзіи гибнутъ и торжествуетъ реализмъ. За топоры и поджоги берутся лишь въ оди-

чалой темнотѣ, въ безнадежномъ отчаяніи .. Больше свѣта должно быть внесено въ потемки народной жизни!

Во время двухдневнаго Локнистинскаго процесса мы много бесѣдовали съ обвиняемыми и свидѣтелями по дѣлу: послѣднихъ отъ обвиняемыхъ отдѣляли лишь „случайности“ судьбы. Большинство свидѣтелей подписало „приговоръ“ о переходѣ экономіи г.г. Канцевичей въ собственность крестьянъ. У всѣхъ собесѣдниковъ мы констатировали горячую вѣру въ Государственную Думу, ставшую средоточіемъ свѣтлыхъ надеждъ...

Вспоминая эти разговоры, мы ясно рисуемъ себѣ то впечатлѣніе, какое роспускъ Государственной Думы долженъ былъ произвести на крестьянъ. „Наше правительство—Дума—поставили крестьяне одного села черниговскаго уѣзда послѣ роспуска Думы—и хотя она распушена, но она—наше правительство“... Намъ пишутъ о впечатлѣніи обиды, оскорбленія и вызова, произведенномъ роспускомъ Думы... „Родичевъ сказалъ—писать намъ одинъ корреспондентъ изъ Чернигова — „Дума распушена быть не можетъ, Дума сдѣлаетъ свое дѣло!“ — „Дума распушена, но Дума *сдѣлала* свое дѣло, она во весь ростъ встаетъ въ глазахъ самаго ненаблюдательнаго обывателя“... Но всѣмъ знающимъ настроеніе крестьянъ до осязательности очевидно, что роспускъ Думы опять открываетъ возможность острыхъ эксцессовъ, противъ которыхъ безсильны—и администрація, и суды, и казацкія нагайки. Роспускъ Думы создаетъ серьезную опасность культурнаго кризиса...

Мих. Могилянскій.

Жа Украихъ.

Если свести во едино все газетныя свидѣнія о томъ, какъ приняли крестьяне Украины извѣстiе о роспускѣ Гос. Думы, то окажется, что для характеристики крестьянскаго настроенiя достаточно одного слова: *подавленность*. Какъ громомъ, пришибло крестьянъ извѣстiе о томъ, что Думы больше нѣтъ, что нѣтъ надежды на скорое разрѣшенiе всехъ наболевшихъ крестьянскихъ вопросовъ, всехъ оточающихъ крестьянина нуждъ. „Несмотря на то,— говорить „Волянъ“, — что въ послѣднее время села и деревни буквально наводняются „патріотическими“ листками, въ которыхъ на бывшую Государственную Думу выливаются цѣлые ушаты номоевъ и грязи, крестьяне ведутъ бесѣды о Думѣ съ какимъ-то благоговѣнiемъ и видно, что неожиданный роспускъ Думы произвелъ на деревню какое-то ошломляющее впечатлѣнiе, граничащее съ полнымъ отчаянiемъ“.

Сотрудникъ названной газеты передаетъ слѣдующiй разговоръ крестьянъ о Думѣ. Разговоръ велся по украински; приводимъ отрывокъ его въ переводѣ.

— Итакъ, мы снова остались сиротами, — ведетъ рѣчь степенный крестьянинъ лѣтъ пятидесяти. — Снова некому заступиться за насъ! Нѣтъ Думы, нѣтъ нашей надежды! Теперь, какъ бѣдовали безъ земли, такъ и будемъ бѣдовать! Некому о насъ позаботиться!..

— Дума эта была намъ, какъ родная мать,— отзывается другой крестьянинъ.—И за что ее уничтожили, за какую вину?..

— За какую вину? А за то, что Дума хотѣла отъ пановъ да отъ духовенства отобрать землю и отдать ее крестьянамъ, сколько кому нужно. Вотъ паны и духовенство стали вездѣ клеветать на Думу и добились-таки того, что ее уничтожили... Вотъ и теперь сколько лжи пишутъ про несчастную Думу... А батюшка въ церкви развѣ мало издѣвался надъ думою?! И все это за то, что Дума желала народу добра!..

— Такова ужь мужицкая доля: кто мужику добра хочет, того преступникомъ сейчасъ же называютъ. Такъ съ Думою вышло...

— Горе, страшное горе!.. Еслибъ она еще хоть мѣсяць просуществовала, много бы народу добра сдѣлала...

Корреспондентъ „Громад. Дум.“ изъ глухого закоулка Подолін рисуеть аналогичную картину.

„Неожиданное извѣстiе о роспускѣ Гос. Думы,—пишетъ онъ,— дошло чрезвычайно скоро даже въ наиболѣе глухія наши деревни. У крестьянъ при этомъ извѣстiи опускались руки и они сквозь слезы спрашивали: „За что же се разогнали? Что же теперь будетъ? А земля?... Кто же за насъ заступится?“ А другiе, слушая это, грозно хмурплись и, стиснувъ кулаки, долго стояли безмолвные и неподвижные...

„При словахъ манифеста, что крестьянинъ получить тамъ, гдѣ существуетъ земельная тѣснота, законный почетный способъ расширить свое землевладѣнiе,—крестьяне безнадежно махали руками и говорили: „Безъ Думы никто не поможетъ“.

„Всѣ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что теперь наступятъ страшныя времена, потому что Думы больше нѣтъ“.

„Послѣдняя надежда исчезла, и крестьяне похваляются, что сами сдѣлають то, чего не сдѣлала Дума. Церковный сторожъ, умный и крайне смиренный человѣкъ, говорить, что по ночамъ онъ станетъ наблюдать за горизонтомъ и считать, сколько сгоритъ панскихъ экономай...

„Можно было бы привести еще и другiе грозныя признаки того, что великiй революцiонный актъ 8 iюля 1906 г. принесеть намъ такiя страшныя событiя, передъ которыми событiя 1789—1792 гг. покажутся дѣтской забавой.

„Роспускъ Думы, можетъ быть, и не произвелъ бы такого сильнаго впечатлѣнiя на крестьянъ, если бы они знали, что „Дума не смогла выпустить ни одного узника изъ тюрьмы, не вырвала у палачей ни одного мученика за свободу“, какъ говорилъ одинъ изъ депутатовъ; что Дума не могла ни въ какомъ случаѣ разрѣшить аграрнаго вопроса, такъ какъ ей воспрепятствовали бы въ этомъ министры и Гос. Совѣтъ. Но крестьяне знали только одно: „Дума дастъ намъ землю и волю“...

„Земля и воля“ заповонили всю мысль крестьянина, гибель надежды ввергла крестьянина въ отчаянiе. Что же будетъ дальше?... На этотъ вопросъ отвѣтить лишь время, быть можетъ, недалекое уже...

Для того, чтобы обезопасить „спокойствіе населенія“, власти принимаютъ всяческія мѣры. Прежде всего всячески искореняютъ печать. Не только въ селахъ и деревняхъ, но и въ городахъ книга нечестноугоднаго характера стала опаснѣе бомбы, а порядочныя газеты, вообще говоря, къ обывателю не допускаются. До чего доходитъ при этомъ усердіе уѣздныхъ чиновъ полиціи, выступающихъ въ новой роли руководителей обывательскаго чтенія, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

По сообщенію „Волини“, въ Прилукахъ 11 іюля исправникомъ приглашены были книгопродавцы, которымъ онъ предложилъ произвести „дезинфекцію“ среди книгъ, имѣющихся въ магазинахъ, и не выписывать новыхъ, такъ какъ можно ожидать конфискаціи, а это, понятно, сопряжено съ убытками. Кроме того, онъ объявилъ, что съ сегодняшняго дня газеты, получающіяся ими для продажи, будутъ просматриваться „цензоромъ“, безъ одобренія котораго онѣ не могутъ быть продаваемы. „Цензоромъ“ назначенъ околоточный надзиратель.

Въ Нѣжинѣ распоряженіемъ губернатора закрытъ книжный магазинъ Чекмаревой. Не только владѣлица магазина не знаетъ, за что магазинъ закрытъ, но и самъ приставъ, исполнявшій распоряженіе начальства, не могъ точно указать на причины закрытія магазина.

„Вѣроятно, потому, сказалъ приставъ, что не выписываетъ „Кіевлянина“.

Въ Каменецъ-Подольскѣ полиціймейстеръ распорядился отобрать у мальчиковъ, занимающихся розничной продажей газетъ, имѣющіяся у нихъ печатныя изданія и воспретить имъ вообще производить продажу газетъ. Для исполненія этого распоряженія мальчики приведены были въ 1-й участокъ. Отобранныя газеты переданы полиціймейстеру, и дальнѣйшая судьба ихъ пока неизвѣстна. Отъ этого распоряженія понесла сравнительно значительный убытокъ редакция „Под. Кр.“ Затѣмъ, въ 4 ч. дня „Подольскій Край“ выпустилъ телеграммы, но, какъ только мальчики появились съ ними на улицѣ, явились городовые и силой стали отнимать телеграммы. „Лишенные права“, мальчики-газетчики все-таки рѣшили не брать для продажи „Кіевлянина“ и „Новаго Времени“, которые администрація принуждаетъ ихъ продавать.

Такъ поступаютъ въ мелкихъ городахъ, гдѣ старый девизъ уѣздныхъ Держимордъ: „хватай, отбирай, не пускай!“ — не только не забытъ, но всячески расцвѣтаетъ. Въ крупныхъ городахъ дѣло ведется иначе, болѣе утонченно и планомерно. Тамъ на ряду съ

искорененіемъ „вредныхъ“ органовъ печати, насаждаютъ и заботятся объ органахъ, соответствующихъ видамъ начальства. Воспособляютъ эти органы всячески, и даже высокіе сановники въ несомнѣнномъ генеральскомъ чинѣ, не стѣсняясь, выступаютъ въ роли власть имѣющихъ сводниковъ между черносотенными изданіями и тѣми, которые ихъ читать не хотятъ и воспособлять не желаютъ. Властѣищій примѣръ такого непринужденнаго сводничества далъ незабываемый „манджурскій“ герой и „истинно-русскій“ человекъ изъ остзейскихъ бароновъ генераль Каульбарсъ, тотъ самый, который во время Одесскаго погрома брался съ громившими и убивавшими хулиганами. Разоблачилъ „героя“ „XX Вѣкъ“, въ которомъ читаемъ:

Командующій войсками одесскаго военнаго округа генераль-отъ-кавалеріи баронъ А. В. Каульбарсъ разослалъ нѣкоторымъ учрежденіямъ подробное письмо съ просьбой предоставлять мѣстной черносотенной газетѣ „Русская Рѣчь“ объявленія. Въ виду исключительнаго интереса этого документа, написаннаго на бланкѣ командующаго войсками за подписью барона А. В. Каульбарса, приводимъ его цѣликомъ:

„Командующій войсками одесскаго
военнаго округа“.

М. Г.

„Газета „Русская Рѣчь“ въ теченіе 5 мѣсяцевъ своего существованія ведетъ неустанную борьбу съ революціоннымъ движеніемъ въ Одессѣ, и будетъ вполне справедливо признать ея выдающіяся заслуги въ этомъ отношеніи. Благодаря приводимымъ на страницахъ газеты здоровымъ, честнымъ и спокойнымъ, чисто русскимъ взглядамъ на положеніе вещей въ государствѣ вообще и въ Одессѣ въ частности, разрозненное, давно не имѣвшее своего русскаго органа печатнаго слова, русское населеніе города Одессы начинаетъ сплываться и чувствовать свою принадлежность къ остальной части государства.

„Несомнѣнно, благодаря вліянію здраваго печатнаго слова „Русской Рѣчи“ русская часть фабричнаго элемента гор. Одессы, служившая доселѣ наиболее благопріятною почвою для революціонной пропаганды, нынѣ совершенно измѣнила свои взгляды на положеніе вещей и не только не поддается преступной пропагандѣ, но, напротивъ того, оказываетъ ей дѣятельное противодѣйствіе, не останавливаясь даже передъ выдачей агитаторовъ и пропагандистовъ.

„Число постоянныхъ подписчиковъ газеты съ каждымъ днемъ увеличивается и въ настоящее время доходитъ до 5,600. Газету

требуютъ и читаютъ не только на югѣ Россіи, но и далеко за его предѣлами.

„Съ технической стороны дѣло изданія также далеко подвинулось впередъ, оборудована собственная типографія, установлены ротационная машина и электрическіе двигатели къ ней.

„Для упроченія положенія „Русской Рѣчи“ необходимъ еще притокъ къ ней объявленій, составляющихъ обыкновенно главный доходъ каждой болѣе или менѣе значительной газеты, но, къ сожалѣнію, такихъ объявленій поступаетъ въ газету пока еще мало.

„Въ виду сего, будучи вполне увѣренъ въ сочувствіи вашемъ къ этому не только полезному, но прямо-таки необходимому для Одессы изданію, я позволяю себѣ обратиться къ вашему благородію съ просьбой не отказать въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится помѣщать объявления въ газетахъ, направлять ихъ преимущественно въ „Русскую Рѣчь“.

„О послѣдующемъ благоволите меня увѣдомленіемъ.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и преданности.

Баронъ А. Каульбарсъ“.

Письма эти разосланы въ конвертахъ редакціи „Русской Рѣчи“. Теперь становится вполне яснымъ и понятнымъ, почему недавно въ этомъ „прямо-таки необходимомъ для Одессы изданіи“ появился рефератъ о собраніи пайщиковъ „Р. Р.“, въ которомъ командующему войсками выражена благодарность за моральную поддержку этого органа.

Искореняя одни органы печати и воспособляя другія, администрація этимъ не довольствуется; къ дѣлу успокоенія населенія она привлекаетъ несомнѣнно и другія испытанныя средства, каковы: стражники, пулеметы, нагайки и проповѣди. Стражники дѣйствовали до сихъ поръ „безъ отказа“; населеніе рѣдкаго уѣзда на Украинѣ не испытало „благодѣтельного“ дѣйствія этихъ людей, на спивахъ и другихъ частяхъ крестьянскаго тѣла, выколачивающаго „крамолу“, какъ выколачиваютъ моль изъ носильнаго платья, съ той только разницей, что платье берегутъ, а крестьянской жизнью не интересуются, отчего въ отчетахъ объ успокоеніяхъ, наряду съ ранеными и увѣчными, обычно фигурируютъ и убитые. Но и стражники въ послѣднее время начинаютъ уставать отъ экзекуцій. Во многихъ мѣстахъ они, не стовариваясь, въ одиночку и массами бѣгутъ со службы, а въ нѣкоторыхъ районахъ, какъ, напр., въ Мелитопольскомъ уѣздѣ „они устроили митингъ, на которомъ постановили уволиться“

всѣмъ вмѣстѣ. Очевидно, мелитопольскіе стражники не даромъ разговяяли митинги: они таки кое-чему отъ нихъ научились.

Пулеметы и нагайки митинговъ устраивать не склонны, но при нихъ есть люди, которые усердно „успокаиваютъ“ и разгоняютъ митинги, но какъ показываютъ факты, тоже кое-чему учатся во время этихъ „успокоеній“. Вотъ что пишетъ нашъ корреспондентъ о томъ, что произошло 9 іюля въ одной изъ станицъ „Тихаго Дона“, откуда рекрутируется нагайка на всю Россію:

„Объ этомъ днѣ начали говорить издалека. Съ того времени, какъ были административно арестованы діаконъ В. за чтеніе думскаго отчета на станичномъ сходѣ, студентъ А. и офицеръ М.— за слишкомъ дѣятельное участіе въ составленіи извѣстнаго станичнаго приговора, высказавшагося противъ несенія казаками полицейской службы,— по станицѣ уже носилась смутная молва, что „казаки недовольны“.

— Несправедливость... Выпустить надо... Они ничего особаго не сдѣлали...

„Съ каждымъ днемъ настроеніе крѣпло. Обыватели тихой станицы, давно безнадежно погрязшей въ будняхъ и силетняхъ, съ удивленіемъ прислушивались къ новымъ слухамъ. Оттуда, изъ хуторовъ, шли эти слухи, или странные и тревожные:

— Закажемъ, чтобъ команда не слухалась, коли на насъ ее пустять. А чтобъ, значить, помогла, когда выпускать ихъ будемъ...

Изъ „команды“ неслось, какъ эхо:

— Не пойдемъ, коли позовуть. Тамъ наши дѣды да отцы...

А слухи росли:

Въ воскресенье отъ всѣхъ хуторовъ и станицъ соберутся по 12 человекъ. Будеть сходъ. И если начальство не освободитъ ихъ, сами освободимъ...

— Послѣ освобожденія разобьемъ монополюшки.

— И справимъ праздникъ...

Обывательская фантазія рисовала дальше ужасы:

— Будуть громить.

— Жечь.

— Убивать...

Въ субботу настроеніе поднялось очень высоко. Ждали бури.

„А изъ хуторовъ въ это время съѣзжались уполномоченные. Вечеромъ подъ воскресенье, толпы казаковъ ходили по улицамъ— нервные, возбужденные.

— Конечно не имѣли право сажать... За что?

— Завтра вотъ освободимъ...

„Говоръ ростъ. Тревога разливалась по станицѣ. Въ ту ночь тихая, какъ степная рѣка, Усть-Медвѣдица заснула короткимъ тревожнымъ сномъ. Утро выпало тихое, іюльское. Какъ всегда, отзвонили колокола къ обѣднѣ. На базарахъ купцы отворили свои лавки. Къ полудню потянулись казаки къ станичному правленію. Улицы замерли. Лавки закрылись. Станичное правленіе—небольшое желтое зданіе на базарной площади, окруженное вербами,—шумѣло... Чувствовался рѣдкій моментъ—сильный, съ собственной инициативой, возбужденный...

„Сходъ начался. Казаки потребовали, чтобы къ нимъ пріѣхалъ окружной атаманъ. Обычно, окружной атаманъ—владыка жизни и смерти казаковъ... И вдруг—*потребовали!* Окружной атаманъ пріѣхалъ. Казаки выразили желаніе, чтобы административно арестованные были выпущены. Атаманъ отказалъ. Его заперли въ комнату и поставили стражу. А сами—громаднымъ шумнымъ шествіемъ—отправились—къ зданію Управленія Округа, гдѣ находились заключенные. Только что прошелъ короткій дождь. Воздухъ былъ чистый и свѣжій. Толпа шла и шумѣла. Пришли къ управленію и потребовали, чтобы арестованные вышли къ нимъ. Они вышли—дьяковъ Б. и студентъ А. Офицеръ М. сидитъ на гауптвахтѣ въ Новочеркасскѣ.

„Фигура дьякова, безусловно, интересна. Въ прошломъ году окончилъ семинарію. Человѣкъ съ мягкой душой, воспитанный на заѣздахъ сваяц. Петрова. Отзывчивый, искренній, простой народъ любитъ его—за ласку и простоту. Онъ состоитъ учителемъ народной школы. По отзывамъ, учебное дѣло у него поставлено образцово. Иногда онъ устраиваетъ для дѣтей „вечеринки“—съ рассказами, пѣснями, музыкой. Вообще, онъ—сама молодость—свѣтлая, искренняя, честная... Какъ то на сходѣ онъ прочиталъ казакамъ отрывокъ изъ думскаго отчета. Нашлись любители и донесли въ Новочеркасскъ. Оттуда было приказано арестовать преступнаго дьякова на три мѣсяца...

„Казаки взяли освобожденныхъ и на рукахъ понесли въ станичное правленіе. Былъ праздникъ, и населеніе станицы—разряженное и веселое—примыкало къ освобожденцамъ—казакамъ. Настроеніе было приподнятое, праздничное, и впереди не видѣлось ни одной тучи... Когда шествіе подошло къ станичному правленію, окружной атаманъ былъ освобожденъ и тотчасъ уѣхалъ домой. А на базарной площади—предъ правленіемъ—начался многолюдный митингъ. Говорили о положеніи Россіи, о Думѣ, о казакахъ. Народъ радужно шумѣлъ ораторамъ свое традиціонное: ура!

„Митингъ окончился, и толпа пошла вверхъ по главной Вос-

кресенской улицѣ—шумною многорѣчивою демонстраціей. Пѣли пѣсню въ честь павшихъ борцовъ за свободу.“

Третьимъ распространеннымъ средствомъ для достиженія успокоенія являются проповѣди. Городское и сельское духовенство дѣйствуетъ ради успокоенія не только за страхъ, но и за совѣсть, ибо дѣло близко касается его собственныхъ интересовъ: Гос. Дума хотѣла „отчудить“ и церковныя земли, а на Украинѣ благодаря обилію церковныхъ земель каждый священникъ—въ большей или меньшей мѣрѣ помѣщикъ, отсюда ясно, что Гос. Думу надо дискредитировать, а крестьянъ успокаивать, чтобы они о землѣ думать перестали. Поэтому, какъ мы уже указывали въ „Укр. В.“, во многихъ мѣстахъ священники служили молебны о раслушеніи Думы и проповѣдывали на эту тему. На крестьянъ такое поведеніе духовенства производитъ отвратительное впечатлѣніе, выразить которое тутъ же они стѣсняются только потому, что дѣло происходитъ въ храмѣ. Обычно крестьяне безшумно уходятъ отъ такихъ рѣчей священника изъ храма. Такіе случаи наблюдались почти во всѣхъ украинскихъ губ. Приведемъ одинъ изъ нихъ, простой и вмѣстѣ съ тѣмъ характерный и для другихъ.

Въ Лохвицѣ былъ прочитанъ въ церквахъ манифестъ о роспускѣ Думы въ присутствіи самаго ограниченнаго числа прихожанъ. Нѣсколько восьмидесятилѣтнихъ бабъ, столько же дѣтишекъ и небольшое число солдатъ и казаковъ. Когда священникъ началъ читать, въ заднихъ рядахъ слушателей раздались восклицанія. Къ концу рѣчи прихожане начали покидать церковь, и остались только однѣ старухи. А священникъ, забывая, что Дума уже не существуетъ, сообщилъ, что Дума была подкуплена „жидами“, что она силой ворвалась въ Таврической дворецъ, противъ воли Царя, и что она хотѣла окончательно устранить участіе Царя въ управленіи государствомъ и т. д. „Каждый честный человекъ долженъ радоваться роспуску Думы, порождавшей только смуту“, закончилъ батюшка свою прочувствованную рѣчь. А возлѣ церкви плдуть разговоры крестьянъ.

— Почему это онъ говоритъ, что Дума была „жидовская“?

Вѣдь мы сами выбирали депутатовъ въ Думу! кто же могъ ихъ подкупить?—задаютъ вопросъ крестьяне.

— Вретъ попп!—отвѣчаетъ имъ молодой парень:—И какъ вы глупы, что донынѣ вѣрите поповской „брехнѣ“.

— Какъ же такъ, что они силой ворвались въ Думу, когда былъ царскій манифестъ, чтобы выбирать депутатовъ,—говоритъ крестьянка.—Должно быть вретъ старый попп.

И разговоры въ этомъ духѣ продолжались еще долгое время.

Если бы ораторъ-священникъ подозрѣвалъ, какое впечатлѣніе онъ произвелъ своею рѣчью на своихъ слушателей, онъ навсегда отказался бы отъ произнесенія политическихъ рѣчей.

Выше мы привели нѣкоторыя данныя о томъ, какъ отнеслось крестьянство Украины къ роспуску Думы, и не священническимъ проповѣдямъ, продиктованнымъ черствымъ и невѣжественнымъ эгоизмомъ, повернуть это отношеніе въ желательную для властей форму.

Депутаты съ территории Украины и дѣятельность ихъ въ Государственной Думѣ.

Работа каждаго парламента становится понятной и доступной для обозрѣнія только тогда, когда мы познакоимся съ механизмомъ составляющихъ парламентъ *партій*. Наивно было бы думать, что каждый депутатъ въ отдѣльности можетъ вліять на направленіе дѣятельности палаты. Эта дѣятельность опредѣляется тактикой сплоченныхъ и организованныхъ партійныхъ группъ, въ которыхъ тонетъ и растворяется индивидуальность отдѣльнаго депутата.

Самой крупной и вліятельной партией перваго русскаго парламента была партія народной свободы или конституціонно-демократическая, которая—худо-ли, хорошо,—но налагала свой отпечатокъ на всю дѣятельность Государственной Думы. Ея преобладающее вліяніе объясняется не столько численностью ея членовъ—свыше 170 членовъ,—сколько замѣчательной сплоченностью и организованностью, выдержанностью ея партійной дисциплины. А главное—въ ея рядахъ были наиболѣе крупныя научныя и наиболѣе зрѣлыя политическія силы. Ея членами вносились, разрабатывались и обосновывались законопроекты, она организовала всю законодательную работу Думы, на ея плечи долженъ былъ лечь весь непомерно тяжелый *созидательный* трудъ „конституціоннаго“ обновленія Россіи. Название „кадетской Думы“ по праву навсегда останется въ исторіи за безвременно погубленнымъ 9 іюля 1906 г. первымъ русскимъ парламентомъ.

Территорія Украины послала въ Думу незаурядныхъ членовъ кадетской партіи. Изъ ихъ среды былъ выбранъ одинъ изъ товарищей предсѣдателя Думы—харьковскій депутатъ проф. Н. А. Гредескулъ, пріѣхавшій въ Думу прямо изъ ссылки и вообще перенесшій въ послѣдніе мѣсяцы не мало испытаний за свою прямолинейно-честную

борьбу съ деспотизмомъ во имя свободы. Здѣсь мы паходимъ пятерыхъ предсѣдателей мѣстныхъ комитетовъ—харьковскаго (Н. Н. Миклашевскій), полтавскаго (Я. К. Ишпенецкій), черниговскаго (А. А. Мухановъ), херсонскаго (А. К. Парамоновъ) и елсаветградскаго (Д. С. Горшковъ). Среди депутатовъ Украины было не мало и научныхъ силъ, столь необходимыхъ для парламентской работы, какъ московскій юристъ-профессоръ П. И. Новгородцевъ (екатеринославская губ.), докладчикъ законопроекта о неприкосновенности личности, извѣстный публицистъ и знатокъ германскаго конституціоннаго строя Г. В. Лоллосъ (полтавская губ.), финансистъ и статистикъ Л. Н. Яснопольскій (полтавская губ.), выбранный въ секретаря бюджетной комиссіи, затѣмъ одесскій депутатъ, пламенный ораторъ проф. Е. Н. Щепкинъ, сыгравшій такую видную роль въ разслѣдованіи причинъ бѣлостокскаго погрома и раскрытіи погромной политики правительства. Съ территоріи Украины, наконецъ, былъ избранъ такой всемірно извѣстный ученый, какъ М. М. Ковалевскій (харьковск. губ.), одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ знатоковъ парламентаризма и конституціоннаго строя. Присутствіе такой крупной научной силы въ парламентѣ являлось большимъ плюсомъ въ законодательной работѣ, такъ какъ по каждому возбуждавшемуся вопросу—былъ ли то техническій вопросъ внутренняго распорядка, или важный законодательный актъ—М. М. Ковалевскій давалъ исчерпывающія указанія, исправлялъ промахи и неточности, пополюялъ пробѣлы и пропуски, а во многихъ случаяхъ представлялъ настолько основательныя критическія замѣчанія, что съ ними не могли не считаться инициаторы законопроектовъ и предложеній. М. М. Ковалевскій, какъ извѣстно, не принадлежить къ партіи народной свободы, а предпочитаетъ стоять во главѣ весьма немногочисленной группы „демократическихъ реформъ“.

Изъ представителей крестьянъ украинскихъ губерній, выбранныхъ отдѣльно крестьянской куріей, только представитель черниговскихъ крестьянъ—П. И. Курпенко входилъ въ составъ парламентской фракціи народной свободы. Крестьянскіе представители остальныхъ губерній примыкали къ „трудовой группѣ“. Изъ депутатовъ-крестьянъ къ партіи народной свободы принадлежалл: А. Ф. Грабовецкій, Г. Л. Зубченко, С. Т. Таранъ—кіевской губ. и Я. А. Гужовскій—черниговской губ. Но въ то же время Зубченко и Гужовскій сляонялись и къ „трудовой группѣ“ *).

---

*) Судя по списку членовъ парламентской фракціи партіи народной свободы, опубликованному въ № 17 „Ежедневника партіи Народной Свободы“, изъ 95 членовъ Думы, выбранныхъ раз-

На выборахъ, какъ мы видѣли изъ предыдущаго очерка (см. „Укр. Вѣст.“ № 10), особенно на выборахъ въ губерніяхъ Украины, партіи болѣе радикальныя, болѣе лѣвыя, чѣмъ „кадетская“, самостоятельно не выступали. Тамъ шла борьба исключительно между сторонниками стараго режима—деспотизма и самовластия и сторонниками новаго—режима съ демократической конституціей и широкой земельной реформой. Избиратели не вдавались въ подробности партійныхъ программъ, они въ подавляющемъ большинствѣ голосовали за кандидатовъ, обѣщавшихъ стоять за права народа, за его свободу, наконецъ за землю. Но въ Думѣ съ первыхъ же шаговъ ея дѣятельности образовалась и выступила, какъ нѣчто цѣлое, самостоятельная „*трудоваа группа*“, къ которой примкнуло много крестьянскихъ депутатовъ. Трудно охарактеризовать, объединить какимъ-нибудь общимъ признакомъ эту въ высокой степени разношерстную группу. Определенной партійной программы у нея не было, партійной дисциплины также почти не замѣчалось. Радикальная интеллигенція съ социаль-народническими симпатіями и съ революціоннымъ темпераментомъ причудливо соединялась въ этой группѣ съ малосознательными и политически неразвитыми крестьянскими депутатами Подоліи... Несомнѣнно, что трудовая группа въ значительной степени образовалась чисто механически. Сюда примыкали элементы съ горячимъ боевымъ темпераментомъ, которыхъ не могла удовлетворить спокойная, выдержанная, чисто „конституціонная“ тактика кадетовъ. А большую часть группы составляли крестьяне, которые здѣсь только учились политикѣ, и разумѣется не могли „дѣлать“ эту политику. Громоздкая, разнокалиберная по своему составу и въ то же время бѣдная научными силами и организаторскими талантами, не объединенная единствомъ программы и тактики, не скованная партійной дисциплиной, эта группа, къ сожалѣнію, не могла оказывать значительнаго вліянія на ходъ думской работы, не сумѣла повести въ Думѣ собственную по-

---

сматриваемыми нами 8 губерніями Украины, 32 депутата принадлежали къ фракціи, а именно: отъ полтавской губерніи—Я. К. Имшенецкій, Г. Б. Юлосъ, И. Н. Присецкій, П. И. Чижевскій и Л. Н. Яснопольскій, отъ черниговской—Я. А. Гужовскій, П. И. Куриленко, Н. Н. Миклашевскій, А. А. Мухановъ, А. А. Свѣчинъ и И. Л. Шрагъ, отъ харьковской.—Н. А. Гредескулъ, М. Д. Деларю, Ф. И. Иваницкій, Н. Н. Ковалевскій и Г. М. Линтваревъ, отъ кievской—И. Ф. Бѣляшевскій, А. Г. Вязловъ, А. Ф. Грабовецкій, Г. И. Здановскій, Г. Л. Зубченко, С. Т. Таравъ, С. Р. Фрекекель, Е. Г. Шольцъ и Ф. Р. Штейнгель, отъ екатеринославской—М. Е. Земцовъ, П. И. Новгородцевъ, В. Н. Радаковъ и М. И. Шефтель и отъ херсонской—Д. С. Горшковъ, А. К. Парамоновъ и Е. Н. Щепкинъ (Одесса).

литуку. Изъ „трудовой группы“ не вышло ни одного законопроекта, если не считать проекта земельной реформы, предложеннаго группою 21 мая за подписью 104 ея членовъ и послѣдовательно проводившаго идею полной націонализаціи земли. Объ этомъ проектѣ мы будемъ говорить ниже, а пока замѣтимъ только, что его инициаторы настолько слабо и не энергично защищали свое твореніе, что не сумѣли заставить палату подвергнуть проектъ обсужденію, и онъ просто былъ переданъ въ аграрную комиссію, какъ матеріаль... Въ Думѣ роль трудовой группы сводилась къ довольно слабой оппозиціи и полемикѣ съ проводившимъ свою политику ка-детскимъ большинствомъ, но зато внѣ Думы ея роль была огромна: она служила связующимъ звеномъ между Думой и широкими народными массами, она была тѣмъ клапаномъ, черезъ который вливался въ Думу могучій токъ народнаго сочувствія и моральной поддержки.

Организаторами и руководителями трудовой группы являлись поволжскіе депутаты, а члены Думы-южане дали для этой группы не столько „генераловъ“, сколько—„армію“. Изъ ораторовъ, выступавшихъ отъ имени группы, отмѣтимъ С. М. Рыжкова (екатериносл. губ.), Т. В. Локтя (чернигов. губ.), В. М. Шемета и А. Е. Теслю (полтавск. губ.) и И. К. Заболотнаго (подольск. губ.).

Такою же оппозиціонною политикою по отношенію къ ка-детамъ, но только гораздо болѣе рѣзко и энергично проводила небольшая социаль-демократическая фракція, образовавшаяся въ Думѣ послѣ партійнаго съѣзда и прибытія съ Кавказа и Сибири проведенныхъ партіей депутатовъ. Во многихъ случаяхъ фракція предлагала и защищала чисто революціонныя предложенія и формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, не смущаясь ничтожнымъ числомъ подававшихся за нихъ голосовъ. (Кстати: до прибытія въ Думу партійныхъ с.-д. депутатовъ съ окраинъ екатеринославскому деп. Михайличенко приходилось быть единственнымъ ораторомъ фракціи). Не слѣдуетъ забывать огромной услуги, какую оказала с.-д. фракція дѣлу объединенія оппозиціонныхъ силъ, связавъ съ Думой и, какъ бы примиривъ съ ней, революціонно настроенные слои рабочаго класса.

Если мы прибавимъ къ упомянутымъ уже партіямъ небольшую консервативную группу союза 17 октября (къ ней примыкали изъ южныхъ депутатовъ Способный, Варунъ-Секретъ, Байдакъ, Фирсовъ, свящ. Концевичъ, Андро и Журавскій), довольно многочисленное польское „коло“, очень умѣренное и осторожное въ вопросахъ политическихъ и оппозиціонное *вправо* въ дѣлѣ земельной реформы (сюда входили изъ украинскихъ губерній волинскіе депутаты: Понятовскій, гр. Грохольскій, гр. Потоцкій и кіевскій Горваттъ) и наконецъ нѣсколько

десятковъ безпартийныхъ крестьянъ, большею частью великороссовъ, то картина партийной группировки первого русскаго парламента получится довольно полная.

Какъ мы уже говорили, дѣятельность отдѣльныхъ членовъ парламента тонетъ, растворяется въ работѣ составляющихъ парламентъ партий. И законопроекты, и тактическія резолюціи вырабатываются всей партийной фракціей подѣ руководствомъ центральныхъ органовъ партіи. Вотъ почему очень трудно, почти невозможно, выдѣлить, вылучить изъ общей коллективной работы ту долю, какую внесли въ нее депутаты съ территории Украины. Но если эту долю совершенно невозможно учесть въ созданіи, напримѣръ, законопроектовъ, то все же есть нѣкоторая возможность подвести итоги дѣятельности украинскихъ депутатовъ въ обсужденіи аграрнаго вопроса, которое заняло столько вниманія Думы, или въ той неустанной борьбѣ съ произволомъ правительства, какую вели депутаты въ своихъ запросахъ министрамъ и въ отвѣтныхъ рѣчахъ на ихъ объясненія. Въ этихъ именно случаяхъ болѣе ярко и опредѣленно проявлялась индивидуальность депутатовъ, и сообщаемые ими факты и разоблаченія носили болѣе *мстный* характеръ.

Въ ближайшемъ очеркѣ мы коснемся рѣчей украинскихъ депутатовъ о земельномъ вопросѣ, а въ слѣдующемъ—ихъ рѣчей по поводу запросовъ и отчасти законопроектовъ.

II. Земельный вопросъ.

Первая русская Дума собралась и работала подѣ знакомъ радикальной земельной реформы. Почти все крестьянство, да и большинство крестьянскихъ депутатовъ, было убѣждено въ томъ, что главная и единственная задача Думы—надѣлить крестьянъ землей. Къ сожалѣнію, оно не знало и не предвидѣло, что на пути къ земельной реформѣ русскому народу придется сначала выдержать суровую и упорную борьбу съ правительствомъ за власть и свободу.

Въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь въ общихъ выраженіяхъ, но все же достаточно опредѣленно было указано, что Дума считаетъ необходимымъ надѣленіе крестьянъ землей путемъ принудительнаго отчужденія. Тогда же раздались голоса—съ одной стороны крестьянъ, жаловавшихся, что ихъ обходятъ, такъ какъ почти весь адресъ былъ наполненъ требованіями политическаго характера, съ другой стороны—помѣщиковъ (волинскій депутатъ Понятовскій), признававшихъ земельную нужду крестьянъ, но протестовавшихъ противъ огульнаго отчужденія, противъ принципа націонализаціи. Намѣчались тѣ боевыя линіи,

на которыхъ должна была разгорѣться борьба жаждущаго земли крестьянства и не желающаго уступать помещичьяго класса.

Еще во время обсужденія отвѣтнаго адреса депутатъ Якушкинъ отъ имени партіи народной свободы далъ обѣщаніе внести въ ближайшемъ будущемъ законопроектъ о земельной реформѣ. Дѣйствительно, 8 мая, въ шестомъ засѣданіи Думы, была оглашена записка 42 депутатовъ партіи народной свободы, намѣчавшая основные принципы необходимой, по мнѣнію партіи, реформы *). Этотъ историческій документъ представлялъ собой даже не законопроектъ, а только матеріалъ для будущаго проекта, который должна была выработать особая комиссія. Но записка 42-хъ затронула давно наболѣвшій для депутатовъ вопросъ и на ея—пока только предварительное—обсужденіе ушелъ цѣлый рядъ засѣданій до 5 іюня. Выступили десятки, чуть не сотни ораторовъ, полились страстные рѣчи. Трудовая группа въ противѣсъ запискѣ ка-детовъ разработала при помощи научныхъ силъ партіи социалистовъ-революціонеровъ и внесла въ Думу 23 мая за подписью 104 депутатовъ проектъ полной и послѣдовательной социализаціи земли, своего рода декларацію земельныхъ правъ русскаго гражданина. Въ слѣдующемъ засѣданіи, 24 мая трудовики, въ дополненіе къ своей запискѣ, внесли проектъ созданія повсемѣстно въ Россіи мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ, избранныхъ по 4-хъ членной формулѣ, которые параллельно съ Думой должны были бы обсуждать земельную реформу. Оба проекта трудовиковъ, встрѣченные явнымъ несочувствіемъ большинства палаты, какъ утопическіе, не были даже подвергнуты обсужденію по существу, а переданы въ аграрную комиссію въ качествѣ матеріала.

5 іюня обсужденіе основныхъ началъ земельной реформы было закончено. Вскорѣ Думой была избрана и приступила къ выработкѣ аграрнаго законопроекта аграрная комиссія 99-ти подъ предсѣдательствомъ черниговскаго депутата Муханова. Закинѣла закулисная, упорная и хлопотливая работа. Во всякомъ случаѣ ясно было, что выработанный комиссіей законопроектъ будетъ соответствовать запискѣ 42-хъ, но никакъ не земельной деклараціи трудовиковъ. Роспускъ Думы прервалъ эту работу....

Какъ видитъ читатель, въ Думѣ разыгрывалась только прелюдія къ разрѣшенію аграрнаго вопроса. Обсуждались только ея „основ-

---

*) Изъ депутатовъ украинскихъ губерній эту записку подписали: Н. Н. Миклашевскій, А. Г. Вязловъ, Я. К. Имшенецкій, Е. Н. Щепкинъ, И. Н. Присецкій, П. И. Куриленко, О. Р. Штейнфельдъ, А. А. Свѣчинъ и Г. Б. Юлловскій.

ныя положенія“. И тѣмъ не менѣ палата, столь единодушная въ политическихъ вопросахъ, раскололась, разбилась на группы, выдвигавшія каждая свое рѣшеніе, свой проектъ.

Что же изъ себя представляетъ записка 42-хъ? Ее можно охарактеризовать, какъ проектъ *частичной націонализаціи*. Образуется государственный земельный фондъ. Въ него постушаютъ прежде всего земли казенныя, удѣльныя, кабинетскія, монастырскія и церковныя, а затѣмъ слѣдующія частновладѣльческія: отчуждаются безъ всякихъ ограниченій земли, обычно сдававшіяся въ аренду или обработывавшіяся преимущественно крестьянскимъ инвентаремъ, затѣмъ превышающія по площади установленный закономъ для каждой мѣстности высшій размѣръ, больше котораго никто не можетъ владѣть землей; и, наконецъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянству не откуда получить землю изъ другихъ источниковъ, отчуждаются даже земли, не превышающія установленнаго закономъ высшаго размѣра. Всѣ частновладѣльческія земли отчуждаются по *справедливой оцѣнкѣ*, т. е. сообразно съ ихъ нормальной, не взвнченной высокими арендными цѣнами и земельной нуждой для данной мѣстности доходностью. Изъ государственнаго земельного фонда земли за плату передаются въ долгосрочное пользованіе безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы съ полученнаго участка (плюсъ побочные промысловые доходы) крестьянинъ могъ прокормить себя и семью, т. е. въ размѣрѣ такъ называемой *потребительной нормы*. Небольшіе участки, не превышающіе той нормы площади, какую по мѣстнымъ условіямъ можетъ обработать силами своей семьи самъ владѣлецъ участка, отчужденію не подлежатъ.

Прилагая эти начала къ украинскимъ губерніямъ, гдѣ земельная тѣснота достигла необычайнаго напряженія, мы увидимъ, что тамъ пришлось бы отчудить всѣ помѣщичьи земли, всѣ даже среднія по размѣрамъ владѣнія, оставивъ только самыя мелкія, такъ какъ и этого не хватило бы для удовлетворенія мѣстнаго безземельнаго и малоземельнаго крестьянства, хотя бы и до потребительной нормы. Если принять затѣмъ во вниманіе, что во многихъ мѣстахъ Украины мелкая крестьянская аренда распространена мало, а крупныя экономіи сами ведутъ хозяйство, если мы вспомнимъ затѣмъ, что въ юго-западномъ краѣ преобладаетъ крупная капиталистическая аренда, причемъ капиталисты-арендаторы помѣщичьихъ имѣній ведутъ хозяйство на широкую ногу съ помощью массы наемныхъ рабочихъ, то земельная реформа на Украинѣ согласно запискѣ 42-хъ произвела бы радикальную, рѣшительную ликвидацію существующихъ земельныхъ отношеній. Крупныя латифундіи, эти столь ненавистныя крестьянамъ

„фольварки“ исчезли бы, уступивъ мѣсто и растворившись въ мелкихъ крестьянскихъ владѣнiяхъ. Исчезъ бы источникъ не только экономического гнета, но и столь унижительной для крестьянъ личной кабалы, связанной съ отработками, сервитутами (прѣзда и прогона) и черезполосицей.

Намъ думается, что и во многихъ другихъ частяхъ Россiи земельная реформа по кадетскому проекту, не смотря на всю его внѣшнюю умѣренность и отсутствiе въ немъ широковѣщательныхъ деклараций о „правѣ каждого гражданина на землю“, была бы столь же рѣшительной и радикальной. Стоитъ только признать необходимымъ принудительное отчужденiе помѣщичьихъ земель тамъ, гдѣ крестьянамъ не хватаетъ земли для нормальнаго, не-полуголоднаго существованiя,—а это чуть не повсемѣстно въ Россiи,—и всѣ послѣдствiя изъ этого положенiя будутъ выведены сами собой. Россiя въ такомъ случаѣ несомнѣнно стояла бы передъ задачей полной ликвидацiи помѣщичьихъ владѣнiй и созданiя крестьянскаго царства. Но, разумѣется, проектъ, какъ всякая практическая мѣра, представлялъ собой извѣстнаго рода компромиссъ, въ которомъ можно найти не мало слабыхъ и легко уязвимыхъ пунктовъ съ точки зрѣнiя полной и послѣдовательной защиты интересовъ народа.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнiю тѣхъ замѣчанiй и возраженiй, какiя сдѣланы были депутатами съ территорiи Украины. Прежде всего разсмотримъ рѣчи противниковъ *справа*, находившихъ, что проектъ идетъ слишкомъ далеко. Никто изъ нихъ не возражалъ, что нужно немедленно принять мѣры къ поднятiю благосостоянiя крестьянства, нѣкоторые даже соглашались и на принудительное отчужденiе (Понятовскiй, Варунъ-Секретъ), разъ этого требуютъ интересы государства, какъ цѣлаго, но не могли согласиться на полную ликвидацiю помѣщичьяго владѣнiя (*еще бы!*). Понятовскiй напиралъ больше на то, что нужно дать свободу крестьянину, развязать давящiе его пути административной опеки, развить въ немъ побольше самостоятельности.... Затѣмъ онъ особенно подчеркивалъ принципъ частной собственности на землю; по его словамъ, крестьяне юго-западнаго края ни за что не согласятся получить землю въ долгосрочное пользованiе: они предпочтутъ получить одну десятину въ собственность, чѣмъ въ пользованiе 4—5 десятинъ. Варунъ-Секретъ находилъ, что проектъ 42-хъ построенъ на дожно-филантропическихъ основанiяхъ и энергично протестовалъ противъ надѣленiя земель всѣхъ, въ томъ числѣ и безземельныхъ, и затѣмъ только до продовольственной, т. е. жалкой, нищенской, полу-голодной нормы. Первой задачей земельной политики должно быть по его мнѣнiю надѣленiе

землей малоземельныхъ до такой нормы, чтобы позорное явленіе голодовокъ отошло въ вѣчность. Государство должно стремиться создать значительный классъ зажиточныхъ мелкихъ собственниковъ. Затѣмъ, если земельный запасъ данной мѣстности позволить, то можно обезпечить и безземельныхъ, проживающихъ тамъ. Варунъ-Секретъ, такъ же какъ и г. Понятовскій, энергично протестуетъ противъ націонализаціи и долгосрочнаго пользованія, находя, что крестьяне должны получить землю въ личную собственность.

Наиболѣе рѣзкими и непримиримыми врагами земельной реформы оказались депутаты Способный, гр. Потоцкій и Горваттъ. Интересно отмѣтить, что послѣдній—не помѣщикъ, а крупный арендаторъ-капиталистъ юго-западнаго края. Это еще разъ подчеркиваетъ справедливость того положенія, что въ юго-западномъ краѣ всего сильнѣе будутъ бороться противъ надѣленія крестьянъ землей не столько помѣщики, которымъ въ утѣшеніе остается „справедливая“ оцѣнка и которые и безъ того въ большинствѣ случаевъ порвали связь съ землей и живутъ въ городахъ или за-границей, а капиталисты-арендаторы, которымъ некуда будетъ примѣнять свой денежный и реченный (с.-хоз. машины и орудія) капиталъ. Способный никакихъ аргументовъ противъ реформы не выдвинулъ, кромѣ утвержденія, что огромное большинство крестьянъ юга Россіи состоитъ изъ закоренѣлыхъ собственниковъ, и если крестьяне и возьмутъ землю на правѣ пользованія, то никогда ужъ ее не отдадутъ. А въ остальномъ его фарисейская рѣчь слѣдовала лицемѣрно-іезуитской манерѣ г.г. Стишинскаго и Гурко,—онъ вскрывалъ „непоследовательности“ ка-детскаго проекта: ужъ разъ націонализировать землю, такъ всю землю, въ томъ числѣ и крестьянскую—надѣльную; ужъ разъ давать землю только трудящимся, такъ давать всякому, желающему ее обрабатывать своими руками, и все въ томъ же родѣ... Какъ разъ всѣ эти „непоследовательности“ восполняетъ проектъ 104-хъ трудовиковъ о полной націонализаціи земли, но г. Способный благоразумно предпочелъ о немъ вовсе умолчать...

Рѣчь Горватта изобиловала ссылками на статистику и цифровыми выкладками, завѣдомо неправильными и подтасованными. Его основная мысль та, что „передача всѣхъ земель трудящемуся населенію нисколько (?) не улучшитъ его положенія, а окажетъ скверную услугу мѣстному населенію“ (sic). Эту завѣдомо ложную и неправильную мысль нашъ ораторъ, опять таки слѣдуя по стопамъ смиренномудрыхъ Стишинскаго и Гурко, доказывалъ, во 1-хъ, утвержденіемъ, что общая производительность земельной площади не увеличится, въ чьихъ бы рукахъ ни находилась земля; хлѣба будетъ получаться по

прежнему мало на дупу населенія въ среднемъ, по прежнему крестьянинъ будетъ недоѣдать и, во 2-хъ, крестьянинъ больше получаетъ, какъ рабочій на десятинѣ помѣщичьей земли, чѣмъ какъ собственникъ, если эта десятина перейдетъ къ нему. Если же за землю придется платить выкупъ (а это несомнѣнно), то крестьянинъ безусловно проиграетъ отъ надѣленія землей. То же, но безъ тѣни доказательствъ, утверждалъ и гр. Потоцкій. Слѣдующіе ораторы очень скоро вскрыли недобросовѣстность этихъ утверждений: 1) пусть даже производительность земли нѣсколько уменьшится, но, въ случаѣ перехода помѣщичьей земли къ крестьянамъ, *весь* хлѣбъ, все произведенное землей останется въ рукахъ крестьянства, тогда какъ теперь большая часть его уходитъ въ бездонные карманы помѣщика; и 2) г. Горваттъ, какъ и министры, сравнивалъ *чистый*, а не валовой доходъ десятины крестьянской земли съ идущимъ на заработную плату расходомъ на обработку десятины помѣщичьей земли, и, разумѣется, первая цифра у него получалась меньше второй. Съ такими аргументами можно доказать все, что угодно.

Итакъ, мы видимъ, что даже со стороны консервативныхъ депутатовъ Украины не было выставлено ни одного сколько-нибудь серьезнаго возраженія противъ радикальной земельной реформы. Слишкомъ уже она назрѣла, слишкомъ ужъ ясна ея необходимость и неизбежность на Украинѣ, въ этой когда-то цвѣтущей и богатой, а теперь нищей и обездоленной странѣ, гдѣ земельная нужда и жажда земли у крестьянъ достигла высшихъ предѣловъ напряженія! Единственное сколько-нибудь заслуживающее вниманія указаніе на то, что крестьяне юга и юго-запада Россіи едва-ли примирятся съ правомъ *пользованія* на землю и предпочтутъ право *собственности*, — нисколько не колеблетъ ни основъ, ни—еще болѣе—самой необходимости земельной реформы, а указываетъ лишь, что, сообразно мѣстнымъ условіямъ, придется, вѣроятно, значительно модифицировать общіе принципы реформы.

Горячо защищаль записку 42-хъ и въ особенности образованіе государственнаго фонда и право пользованія, а не собственности, полтавскій депутатъ Я. К. Имшенецкій. Онъ согласенъ, что реформа сама по себѣ не устранитъ царящей у насъ нищеты и нужды, что надѣленіе землей до потребительной нормы не представляетъ ничего завиднаго. Но что же дѣлать? Гдѣ другой выходъ изъ невыносимаго положенія? Во всякомъ случаѣ право пользованія на вновь полученную землю имѣетъ громадное преимущество передъ правомъ собственности на нее. Во первыхъ населеніе будетъ не такъ связано, не такъ прикрѣплено къ землѣ и легче сможетъ отливать къ про-

мышленной дѣятельности; затѣмъ будетъ предупреждена быстрая мобилизація земельныхъ участковъ. Разъ нельзя будетъ легко покупать участки, то у крестьянина всѣ сбереженія пойдутъ не на расширение площади его надѣла, а на увеличеніе прилагаемаго къ землѣ капитала, на интенсификацію земледѣлія. Ораторъ совершенно не согласенъ, что государственный фондъ усилитъ вліяніе центрального правительства и гнетъ бюрократіи. Распоряженіе землей должно быть передано органамъ мѣстнаго самоуправленія, избираемымъ на чисто демократическихъ основаніяхъ. И вообще нельзя и незачѣмъ принуждать каждую мѣстность къ обязательной земельной реформѣ на определенныхъ началахъ. Аграрный законъ долженъ лишь открывать путь, по которому населеніе той или другой мѣстности вольно пойти, разъ оно признаетъ этотъ путь для себя подходящимъ. Но разъ оно найдетъ другой путь, то пусть идетъ туда. Въ этомъ пунктѣ Я. К. Имшенецкій совершенно правильно становится на точку зрѣнія *децентрализаціи*, которую болѣе подробно развили и обосновали В. М. Шеметь, П. И. Чижевскій и И. Л. Шрагъ, о чемъ будетъ идти рѣчь дальше.

Другой полтавскій депутатъ Л. Н. Яснопольскій отмѣтилъ ту важную сторону кадетскаго проекта, что согласно ему не будетъ отчуждена земля у мелкихъ владѣльцевъ-казаковъ, которыхъ такъ много въ полтавской губ. Это устраиваетъ возможность того междуусобія, того раздора въ средѣ народа, который могъ бы погубить все дѣло реформъ. Именно въ такой критической моментъ весь народъ долженъ быть единомысленъ, какъ одинъ человекъ.

Теперь мы перейдемъ къ возраженіямъ тѣхъ лицъ, которыя, стоя за широкую земельную реформу, тѣмъ не менѣе вносятъ поправки въ записку 72-хъ и идутъ дальше въ развитіи ея положеній. Депутатъ И. Н. Ирсецкій прежде всего считаетъ непоследовательностью то, что записка предполагаетъ оставить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ рукахъ частныхъ собственниковъ владѣнія, не превышающія установленную закономъ максимальную норму, которыя могутъ быть и довольно крупными. Въдѣ все равно черезъ нѣкоторое время придется выкупать въ государственный фондъ и эти участки, но тогда сдѣлать это будетъ гораздо труднѣе. Нѣтъ, ужъ разъ ликвидировать крупное землевладѣніе въ пользу трудящихся,—такъ все, цѣлкомъ безъ остатка. Затѣмъ, остающаяся нетронутой мелкая собственность должна подвергнуться ограниченіямъ: она можетъ быть отчуждаема и передаваема только въ государственный фондъ, но никакъ не въ частныя руки. Гораздо дальше и рѣшительнѣе пошелъ въ своей критикѣ черниговскій депутатъ Т. В. Локоть. Онъ такъ же, какъ

И. Н. Присецкій, полагаетъ, что *вся земля*, все крупное и среднее землевладѣніе должно перейти въ руки крестьянъ. На какихъ началахъ совершится этотъ переходъ — на иравѣ ли собственности, или же земля будетъ отдана въ долгосрочное пользованіе,—это должно рѣшить само мѣстное населеніе, насиловать его волю нельзя. Болѣе же всего подвергся критикѣ со стороны оратора въ кадетскомъ проектѣ, какъ и слѣдовало ожидать, принципъ справедливой оцѣнки, по которой предполагается отчуждать помѣщичьи земли въ государственный фондъ. Если ужъ говорить объ объективной справедливости, то, принимая во вниманіе тѣ огромныя суммы, какія крестьянское населеніе переплатило въ выкупныхъ платежахъ, и учитывая всю несправедливость, всю разорительность для этого населенія общей экономической политики государства въ теченіе многихъ десятилѣтій,—можно смѣло сказать, что земля по праву можетъ перейти къ крестьянамъ безъ всякаго выкупа. Но сами крестьяне говорятъ: „нѣтъ, мы безъ выкупа земли не возьмемъ“, они сами находятъ справедливымъ тотъ или иной выкупъ за землю, а потому возраженій противъ этого быть не можетъ. Разумѣется, та „справедливая оцѣнка“, о которой говоритъ проектъ,—сообразно съ нормальной для данной мѣстности доходностью земли, — должна быть отвергнута. Высокая доходность создалась благодаря земельной нуждѣ, непомѣрно вздутымъ аренднымъ цѣнамъ, а главное—благодаря ничтожной, нищенской заработной платѣ сельско-хозяйственнаго рабочаго. Проче всего придерживаться при оцѣнкѣ какой-нибудь механической максимальной нормы, напримѣръ той цѣны земли, какая была до введенія Крестьянскаго и Дворянскаго поземельныхъ банковъ, которые совершенно искусственно вздули земельныя цѣны, съ предоставленіемъ мѣстному населенію права видоизмѣнять эту оцѣнку.

Тѣ же совершенно основательныя возраженія противъ „справедливой оцѣнки“ высказалъ полтавскій депутатъ П. И. Чижевскій. Онъ, кромѣ того, возражалъ противъ терминовъ „трудовой“ и „потребительной“ нормы, находя ихъ совершенно неуловимыми. Надо просто, по мнѣнію депутата, передать компетенціи мѣстныхъ людей, какое количество земли признать неотчуждаемымъ, не ссылаясь ни на какую трудовую норму. Нужно также отрѣшиться отъ потребительной нормы, а отдать крестьянамъ все то, что можно отдать въ данной мѣстности, не возбуждая противъ аграрной реформы широкихъ слоевъ населенія.

Въ рѣзкихъ, пожалуй даже оскорбительныхъ для инициаторовъ кадетскаго проекта выраженіяхъ, критикуетъ и отвергаетъ принципъ „справедливой оцѣнки“ подольскій депутатъ Заболотный. Повторяя

и развивая аргументы Т. В. Локти, что нормальная доходность со-здается земельной нуждой и въ ней много ненормальной, неспра-ведливой прибавочной дѣйности, ораторъ находить, что „справедли-вая оцѣнка“ ни что иное, какъ „новое порабощеніе труда“. Затѣмъ онъ столь же энергично—и, прибавивъ отъ себя, гораздо болѣе неосновательно,—обрушивается на предложеніе записки 42-хъ надѣ-лять крестьянъ землей только до потребительной нормы. Помилуйте, возмущается онъ, потребительной нормы мало человѣку, это посяга-тельство на его право на жизнь, это умышленно вставлено, чтобы за-ставить крестьянъ итти работать въ оставшія (?) помѣщичьи эко-номіи. Надо надѣлять по трудовой нормѣ. Къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ пылкій депутатъ борется съ мельницами. Онъ забываетъ, что земля не резина, которую можно растягивать, что только недоста-токъ земли заставилъ авторовъ записки ограничиться потребитель-ной, а не трудовой нормой, такъ какъ даже по этой нормѣ не хватитъ земли для всѣхъ малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ, особенно въ густонаселенной подольской губерніи, интересы кото-рой призванъ былъ представлять г. Заболотный. Въ остальной своей части рѣчь г. Заболотнаго защищала проектъ трудовой группы о полной социализации земли, къ краткой характеристикѣ котораго намъ необходимо перейти.

Проектъ трудовой группы, какъ видно изъ рѣчи г. Заболотнаго, ставилъ своей задачей осуществить право cadaго на жизнь, а, слѣ-довательно, и на землю, и добиться „созданія новаго социаль-наго строя“, при которомъ наемный трудъ въ сельскомъ хозяй-ствѣ не могъ бы существовать, и владѣли бы землей лишь тѣ, кто ее обрабатываетъ своими руками. Всякому ясно, что при существо-ваніи капиталистическаго строя эта задача явно недостижима и является чистой воды *утопіей*. Трудно спорить противъ того, что на всѣхъ земли не хватитъ, что землей смогутъ воспользоваться да-леко не всѣ желающіе. Было бы величайшей ошибкой торжественно провозглашать въ законѣ такія права, какія не могутъ быть осуще-ствлены въ дѣйствительности. Проектъ предполагаетъ произвести коренную ломку, смѣшать въ одну массу всѣ земли, въ томъ числѣ и крестьянскія благопріобрѣтенныя, поскольку онѣ превышаютъ тру-довую норму, и изъ этой массы отпускать желающимъ. Такая ломка, декретированная сверху, носила бы чисто якобинскій харак-теръ и для своего осуществленія потребовала бы, пожалуй, даже пулеметовъ. Она безъ нужды озлобила бы многочисленный классъ крестьянъ, имѣющихъ собственную землю, и сдѣлала бы ихъ зако-ренными врагами свободы и новаго строя вообще, она даже могла

бы привести къ кровавой гражданской войнѣ между получившими землю и тѣми, которымъ она не достанется...

Нужно прочно установить то положеніе, что стоящая на очереди аграрная реформа должна заключаться вовсе не въ надѣленіи землей всѣхъ желающихъ, не въ разрѣшеніи социальнаго вопроса въ деревнѣ (при сохраненіи капитализма въ городах!), а только и исключительно *въ увеличеніи землепользованія нуждающихся въ томъ крестьянъ*. Поэтому ка-детскій проектъ при всѣхъ своихъ слабыхъ сторонахъ носитъ на себѣ печать несомнѣнной реальности, несомнѣнной осуществимости и практичности. Онъ выросъ изъ жизни и подсказанъ всѣмъ ея ходомъ.

Проектъ трудовой группы обосновывался и защищался въ Думѣ главнымъ образомъ лидерами группы—депутатами съ Поволжья. Изъ украинскихъ депутатовъ въ защиту его выступали, кромѣ Заболотнаго, только Тесля и Зубченко. Къ сожалѣнію, рѣчь А. Е. Тесли никакихъ аргументовъ по существу, ничего, кромѣ патетическихъ обращеній, громкихъ фразъ и общихъ мѣстъ, въ себѣ не заключала.

Особую цѣнность и особый интересъ должны представлять для обозрѣвателя Думскихъ работъ рѣчи крестьянъ-депутатовъ о землѣ. Для нихъ это вопросъ не „сѣрой теоріи“, не борьба изъ-за программныхъ догматовъ, какъ для радикальной интеллигенціи, а вопросъ о жизни или смерти, о культурѣ или вырожденіи... Для нихъ этотъ вопросъ давно уже рѣшенъ. Одни, болѣе радикальные и рѣшительные говорятъ: „мы требуемъ земли“, другіе, болѣе осторожные и умѣренные—„намъ безъ земли никакъ не возможно“, но сущность всѣхъ рѣчей совершенно одинакова. „Нужно немнѣющимъ земли—дать ее, а у имѣющихъ много—взять“, заявилъ съ обычнымъ лаконизмомъ кievскій депутатъ Грабовецкій, и этими словами можно резюмировать не только рѣчи крестьянскихъ депутатовъ, но и общее настроеніе большинства Думы. Основы земельной реформы были съ очевидностью ясны для всѣхъ, а детали, мелочи—будутъ разрѣшены на мѣстахъ. Вотъ почему почти всѣ рѣчи крестьянъ начинались просьбой прекратить споры, покончить съ разногласіями и поскорѣе перейти къ выработкѣ положительныхъ началъ, основного закона о землѣ. „Торопитесь прекращать пренія,—просить отъ имени безгласныхъ подольскихъ депутатовъ Стефанюкъ,—нужно всѣмъ сплотиться и сдѣлать доброе дѣло для всей Россіи“.—„Я обращаюсь съ просьбой ко всѣмъ: забудемъ наши распри, соединимся во-едино и придемъ на помощь къ крестьянству, истощенному и обѣднѣвшему“,—вторяютъ ему представитель херсонскихъ крестьянъ Борисовъ.

Крестьянскіе депутаты съ страстнымъ негодованіемъ отвергали тѣ

опасенія за упадокъ земельной культуры, за пониженіе общаго культурнаго уровня страны съ переходомъ крупныхъ помѣстій въ руки крестьянъ, какія въ особенности высказывалъ профессоръ Пестражицкій. „Я утверждаю, что культура, которую я называю помѣщичьей, эта культура ложная, она прямо направлена къ обѣднѣнію народа и народному упадку,—съ паавосомъ восклицалъ кievскій крестьянинъ Г. Л. Зубченко;—съ одной стороны невиданная, непомѣрная роскошь, золоченые роскошные дворцы, съ другой—обнищавшій народъ и голодная смерть. Развѣ это правильная культура?“—„Народъ создастъ свою обновленную культуру и пойдетъ къ свѣту и знанію, куда его не пускали, и его свободные шаги будутъ шагами гиганта“—заявлялъ харьковскій депутатъ Оравскій. „Дайте крестьянину земли,—резюмировалъ свою рѣчь Грабовецкій,—и все остальное само приложится ему: будетъ и культура, и бураки будутъ, и сахару будетъ, сколько угодно...“

Всѣ крестьянскіе депутаты, какъ правильно указалъ Т. В. Локоть, признавали, что за отчужденную помѣщичью землю придется выдать вознагражденіе, но они совершенно правильно подчеркивали, что надо *детализировать* вопросъ; надо рассмотреть происхожденіе каждаго владѣнія. Черниговскій крестьянинъ Бабичъ просить палату имѣть въ виду, что есть много имѣній, фактически находящихся во владѣніи помѣщиковъ, но въ дѣйствительности принадлежавшихъ крестьянамъ и насильственно захваченныхъ помѣщиками, противъ чего крестьяне долгіе годы не могли найти ни суда, ни управы. За такія земли, конечно, нечего платить деньги. Полтавскій депутатъ Н. С. Опацкій напомнилъ, что со времени присоединенія Малороссіи русскіе цари, а въ особенности Екатерина II, роздали украинскую землю русскимъ дворянамъ и козацкимъ старшинамъ. Эту землю надо передать въ государственный фондъ безъ всякаго выкупа. За остальные помѣщичьи владѣнія слѣдуетъ платить лишь то, что сами владѣльцы уплатили при покупкѣ имѣній по купчимъ. Такое же мнѣніе о подаренныхъ имѣніяхъ высказывалъ и Грабовецкій.

Зато съ особеннымъ удареніемъ говорили крестьянскіе депутаты о необходимости оставить нетронутыми тѣ небольшіе земельные участки, которые крестьяне съ такимъ трудомъ приобрѣли въ собственность за безумно-дорогія цѣны, хотя бы даже эти участки и превышали трудовую норму. „Эта земля крестьянину горько пришла: онъ за нее платилъ отъ трехсотъ до четырехсотъ рублей за десятину“ (черниговскій депутатъ Бабичъ). „За эту землю платили не 7 копѣекъ за десятину, какъ крупные землевладѣльцы, а платили дорого. Потому за нее отбывали тяжелыя натуральныя повин-

ности,—заявлялъ депутатъ Грабовецкій,—и если все это не примутъ во вниманіе, то, дѣйствительно, *будетъ больше крови, чѣмъ земли*“.

По спорному вопросу,—давать ли землю въ собственность, или въ долгосрочное пользованіе,—мнѣнія крестьянъ-депутатовъ раздѣлились. Киевская губернія рядомъ съ пламеннымъ защитникомъ націонализаціи и отрицателемъ земельной собственности—Г. Л. Зубченкомъ, выдвинула энергичнаго защитника собственности въ лицѣ А. Ф. Грабовецкаго: „Я не хочу, чтобы кто-нибудь имѣлъ право на мою землю, я имѣю право ею распоряжаться, я владѣю ею и передаю ее своимъ дѣтямъ. Если я знаю, что это мой собственный кусокъ, то я въ него вложу все, что имѣю, и знаю, что онъ будетъ давать мнѣ пользу“.

Представители черниговскихъ и полтавскихъ крестьянъ (П. И. Куриленко и Н. С. Онацкій) высказывались за право пользованія, а не собственности—во избѣжаніе быстрой мобилизаціи земельныхъ участковъ и скопленія крупныхъ владѣній въ однихъ рукахъ. Во всякомъ случаѣ всѣ высказанныя мнѣнія могли бы быть примирены на той формулѣ, какую предложилъ черниговскій депутатъ Бабичъ: Дума должна выработать только основной законъ, что земля должна перейти къ крестьянамъ, а на какихъ основаніяхъ, на какихъ правахъ владѣнія,—это должны будутъ рѣшить на мѣстахъ сами крестьяне.

Въ послѣднюю группу мы относимъ тѣхъ ораторовъ-украинскихъ автономистовъ (П. И. Чижевскій, И. Л. Шрагъ и В. М. Шеметь), которые связывали разрѣшеніе аграрнаго вопроса съ вопросомъ объ автономіи Украины. Рѣчи ихъ полностью были напечатаны въ нашемъ журналѣ (см. № 4 и 7 „Укр. Вѣстн.“), а потому подробно останавливаться на нихъ мы не будемъ. Основная положенія ихъ таковы: земельный вопросъ не можетъ быть полностью и окончательно разрѣшенъ въ центральномъ законодательномъ учрежденіи Россіи. Здѣсь можетъ быть провозглашено только общее положеніе объ образованіи государственнаго земельного фонда, въ который принудительно отчуждаются частновладѣльческія земли, для надблєнія землей трудящагося крестьянства. А распоряженіе этимъ фондомъ и установленіе тѣхъ началъ, на которыхъ отчужденная земля должна перейти къ трудящимся, должно быть предоставлено мѣстнымъ областнымъ автономнымъ учреждениямъ, и въ частности на Украинѣ,—украинскому областному сейму. Поэтому выработка законопроекта объ областныхъ автономныхъ учрежденіяхъ должна быть ближайшей задачей Государственной Думы. Для скорѣйшаго же производства подготовительныхъ къ реформѣ работъ необходимо не-

медленно либо учредить мѣстные аграрные комитеты (предложеніе В. М. Шемета), либо сейчасъ же принятыя за реформированіе мѣстнаго самоуправленія на демократическихъ началахъ (предложеніе И. Л. Шрага *).

Если мы подведемъ итоги всему вышесказанному, то мы должны будемъ признать, что въ области аграрнаго вопроса Дума—и въ частности депутаты съ территоріи Украины—сдѣлали очень много. Думой былъ рѣшительно и безповоротно поставленъ вопросъ о радикальной земельной реформѣ, были намѣчены основныя начала этой реформы, надъ выработкой которыхъ съ лихорадочной поспѣшностью трудилась комиссія 99 и ея многочисленныя подкомиссіи. Съ опубликованіемъ оковчательнаго законопроекта должна была начаться съ одной стороны, борьба всего русскаго народа уже не за туманный и расплывчатый лозунгъ „земли и воли“, а за точно опредѣленную земельную реформу, а съ другой—должна была закипѣть на мѣстахъ колоссальная подготовительная работа, которой съ радостью отдали бы свои силы всѣ чуткіе и живые люди въ провинціи.

Но правительство поступило иначе. Оно распустило Думу и прервало выработку аграрной реформы. Провинцію оно по прежнему держитъ подъ бичами военнаго положенія и усиленныхъ охранъ, по прежнему не даетъ никакого самоуправленія половинѣ Украины, по прежнему душитъ свободную печать и, не разрѣшая собравій, мѣшаетъ свободному обсужденію предстоящей реформы. Только казацкія нагайки и карательныя экспедиціи „подготавливаютъ“ на Украинѣ земельную реформу, разжигая ненавистью и бессильной злобой сердца крестьянскаго населенія, толкая его въ порывѣ отчаянія на путь раз-

*) Такимъ образомъ изъ депутатовъ украинскихъ губерній въ преніяхъ по аграрному вопросу принимали участіе: Куриленко, Шрагъ, Локоть, Бабичъ (черниговск. губ.), Онацкій, Имшенецкій, Тесля, Чижевскій, Присецкій, Шеметь, Яснопольскій (полтавск. губ.), Назаренко, М. М. Ковалевскій, Оранскій (харьковск. губ.), Смыченко, Грабовецкій, Горватъ, Зубченко (кіевск. губ.), Заболотный, Стефанюкъ (подольск. губ.), Понятовскій (волынк. губ.), Способный (г. Екатеринославъ), Шепкинъ (Одесса), Борисовъ и Варунъ-Секретъ (херсонск. губ.). Въ аграрную комиссію 99 изъ среды украинскихъ депутатовъ были избраны: Вязловъ, Журавскій, Понятовскій, Горватъ, Оранскій, Байдакъ, Стефанюкъ, Заболотный, Онацкій, Зубченко, Н. Н. Ковалевскій, Мухановъ, Чижевскій, Имшенецкій, Куриленко, Шефтель, Лысенко, Свѣчинъ — т. е. 6 трудовиковъ, 8 кадетовъ и 4 правыхъ.

рушенія и разгромовъ. Но тѣмъ не менѣ земельная реформа не можетъ быть снята съ очереди, ее никакими силами нельзя вытравить изъ сознанія украинскаго крестьянства и въ будущую Думу оно пошлетъ еще болѣ стойкихъ и энергичныхъ людей, которые такъ же энергично, какъ и ихъ предшественники, будутъ бороться за землю и волю для Украины!

Обозрѣватель.

Украинскій „Соколъ“ въ Таличхѣ.

I.

— Бодримся!

Этотъ могучій и простой призывъ служить бодрящимъ лозунгомъ одного изъ симпатичнѣйшихъ славянскихъ національныхъ обществъ Австрiи—львовскаго товарищества „Соколъ“, которому предстоитъ почтенное будущее и о которомъ въ Россiи ничего неизвѣстно.

По примѣру всѣхъ славянскихъ народностей пестрой этнографически Австрiи,—въ началѣ послѣдняго десятилѣтiя прошлаго вѣка и украинцамъ пришлось подумать о какой-нибудь собственной национальной организаціи. Мысль нѣкоторыхъ изъ передовыхъ ихъ дѣятелей естественно остановилась на организаціи „сокольской“. Такія общества и съ тѣмъ же названіемъ, какъ извѣстно, существовали у чеховъ съ 1862 года и своимъ возникновеніемъ обязаны были Фигнеру; у поляковъ они существовали съ 1867 года, правда, почти поминально, развитіе же польскаго „Sokol'a“, замѣчается только съ 90 годовъ прошлаго столѣтiя; наконецъ, одновременно съ нимъ „Sokol“ возникъ у хорватовъ, у сербовъ королевства и болгаръ (у послѣднихъ члены этой организаціи называются юнаками). По образцу ихъ, кружкомъ украинцевъ социаль-демократовъ въ Львовѣ былъ основанъ украинскій „Соколъ“ (Сокіл) въ 1892 году. Самыми видными изъ первыхъ его дѣятелей были В. Лавривскій и Василь Нагирный, первый голова товарищества (въ 1894—1901 годахъ), котораго смѣнилъ нынѣшчій голова Альфредъ Будзиновскій.

Таковы внѣшнія данныя возникновенія украинскаго „Сокола“, красивой съ внѣшней стороны, необыкновенно простой по духу и очень силоченной организаціи. Во многихъ отношеніяхъ она должна послужить примѣромъ для подобныхъ же организацій на російской Украинѣ. Не имѣя въ себѣ ничего опаснаго для государственности или общественности, сокольская организація, какъ національная и демократическая, можетъ сыграть выдающуюся роль въ дѣлѣ куль-

турнаго, на первуѣ порахъ, объединенія украинцевъ, почему мы считаемъ интереснымъ познакомить читателей съ важнѣйшими фактами и цифрами, касающимися украинскаго „Сокола“ въ Галиціи.

Кому понятна идея „соколизма“ вообще,—тому понятны будутъ основные элементы и украинскаго „Сокола“. Въ основѣ его лежитъ, конечно, идея національная. Соколы не знаютъ никакихъ политическихъ партій, никакихъ конфессій. Подобно тому, какъ въ монастырѣ всѣхъ его обитателей уравниваетъ одинаковое монашеское платье съ внѣшней стороны, и одна духовная идея со стороны внутренней,—такъ и соколовъ уравниваетъ одинаковый костюмъ; распределяются они во время упражненій только по росту, подчиняются одному „головѣ“ и т. д. Разъ кто-нибудь явился въ сокольскую организацію и желаетъ вступить въ ея семью,—никто не спрашиваетъ его ни о социальномъ или матерьяльномъ положеніи, ни о принадлежности къ политической партіи или религіи. Отмѣтимъ, между прочимъ, слѣдующую характерную подробность. На собраніяхъ соколовъ принято совсѣмъ не говорить о политикѣ, такъ какъ споры на этой почвѣ, особенно острые въ Галичинѣ, легко ведутъ за собой раздоры между членами. Другъ друга они называютъ только „другомъ“, въ томъ числѣ и своего голову, которому обязаны безпрекословно подчиняться. Никакія разсужденія въ сокольствѣ неумѣстны. Аналогія между церковной или школьной организаціями, съ одной стороны, и сокольской, съ другой, наблюдается и съ точки зрѣнія тѣхъ средствъ, какими обѣ первыя и вторая проводятъ свои идеи. Сокольство создаетъ какъ-бы свою аудиторію, въ которой могутъ учить только главари, остальные же должны повинноваться: никакихъ споровъ, повтѣряемъ, не допускается, чѣмъ достигается крѣпость организаціи, санкціонируемая даже особой присягой.

Какъ въ общемъ планѣ сокольской организаціи, такъ и въ самыхъ мелкихъ деталяхъ красной нитью проходитъ самостоятельность, самопомощь, саморазвитіе и т. д.: соколы ничего и ни у кого не требуютъ. Въ противоположность польскому „Sokol'у“, учрежденію мѣщанскому (городскому) по духу и по средѣ, которая доставляетъ новыхъ членовъ,—украинскій „Соколы“ является учрежденіемъ вполне „хлѣпскимъ“ (крестьянскимъ). Основная цѣль украинскаго „Сокола“, это—воспитаніе новаго поколѣнія въ полной гармоніи души съ тѣломъ, по принципу „здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ“. „Соколы“ обращаютъ вниманіе на все, что „облагораживаетъ физическія и моральныя силы человѣка“. Въ украинскомъ „Соколѣ“ все такъ несложно и просто, что иногда приходится удивляться, какими средствами общество это ведетъ агитацію, съ каждымъ годомъ приобретаемая все

новыхъ и новыхъ членовъ. Весь секретъ будетъ намъ понятенъ, если мы познакоимся съ организаціей „Сокола“ и результатами его, сравнительно недолгой дѣятельности.

II.

Уставъ („Статут“) гимнастическаго общества (товариства) „Соколь“ въ Львовѣ, состоитъ изъ 38 параграфовъ въ которыхъ говорится, что цѣль общества—гимнастическое развитіе членовъ при помощи общихъ упражненій, прогулокъ и рефератовъ. Общество устраиваетъ также пожарныя дружины, (сторожи пожарні), стрѣльбу въ цѣль, верховую ѣзду, велосипедныя (на скороходахъ) гонки, плаванье, гребной спортъ, фехтованіе, пѣніе и оркестры музыки, лекціи о гимнастикѣ, товарищескія игры, любительскіе спектакли и т. д.

Члены-основатели даютъ одновременно 100 (раньше было 40) коронъ (корона=40 к.), дѣйствительные—сумму, опредѣляемую общимъ собраніемъ (обыкновенно 1 корона одновременно и по 1 коронѣ ежемѣсячно), члены-соревнователи—6 коронъ въ годъ. Дѣйствительные члены принимаютъ участіе въ общихъ собраніяхъ (загальні зборі), имѣютъ право подавать голосъ, выбирать и быть избираемыми, принимаютъ участіе въ упражненіяхъ и прогулкахъ, но согласно порядку, устанавливаемому особой старшиной. Старшина (администрація) и общее собраніе завѣдуютъ дѣлами общества. На собраніяхъ, созываемыхъ въ мартѣ мѣсяцѣ, выбираются на одинъ годъ голова, первый и второй его замѣстители, 9 членовъ старшины, 3 замѣстителя отдѣловъ, 3 завѣдующіе обученіемъ гимнастики учениковъ (за плату), и 3 контролера (ревизионная комиссія). Старшина состоитъ изъ головы, 2 его замѣстителей, 9 названныхъ раньше членовъ и собирается не меньше одного раза въ мѣсяцъ. Кромѣ того могутъ быть и экстренныя собранія. Старшина выбираетъ изъ своихъ членовъ секретаря (адміністратор), казначея (скарбник), завѣдующаго хозяйственной частью (господар) и ихъ замѣстителей, устраиваетъ прогулки и всякія упражненія, слѣдитъ за дисциплиной среди товарищей, принимаетъ новыхъ членовъ и учениковъ и т. д. Остальные пункты устава касаются правъ и обязанностей другихъ членовъ „Сокола“.

Такого же характера уставы и отдѣловъ: 1) городскихъ обыкновенныхъ (звѣчайнихъ) львовскаго Товарищества „Соколь“ и 2) сельскихъ пожарныхъ, отличающіеся только въ суммахъ взносовъ и небольшихъ подробностяхъ, не имѣющихъ значенія для нашихъ цѣлей. Въ уставахъ обоихъ отдѣловъ обращено вниманіе на практическую сторону.

Прежде чѣмъ сказать о дѣятельности этихъ двухъ отдѣловъ, скажемъ нѣсколько словъ о костюмѣ украинскихъ соколовъ. Сокольскій костюмъ очень красивъ и въ то же время простъ. Мундиръ новаго образца сдѣланъ въ видѣ такъ называемаго „хлопскаго“ сюртука, спереди открытый, изъ сѣраго сукна. Обѣ стороны его на груди соединяются толстымъ шнуркомъ. Всѣ разрѣзы, касмочки, карманы и т. д. могутъ быть покрыты вышивками національнаго украинскаго рисунка, но послѣднія не обязательны для „рядовыхъ“ соколовъ. Пожарный мундиръ, такъ называемый „хлопскій“, дѣлается изъ нарусины, пропитанной огнестойкими составами, и можетъ быть разныхъ цвѣтовъ; но весь отдѣлъ обязанъ имѣть опредѣленный цвѣтъ. Если кто-нибудь совсѣмъ не имѣетъ мундира, то можетъ являться на ученіе или на пожаръ въ любомъ платьѣ—лишь съ голубой лентой въ 9 сантиметровъ ширины, повязанной черезъ правое плечо, на которой имѣется надпись металлическими буквами: *сокіл* и названіе данной мѣстности. Для гимнастическихъ же упражненій всѣ обязаны имѣть мундиры. Подъ мундиромъ—голубая рубаша съ простымъ вязанымъ поясомъ чернаго цвѣта. Черные штаны вдѣваются въ сапоги съ голенищами.

Сокольскія шапки бываютъ двухъ родовъ: 1) нарядныя—модернизованныя казацкія, черныя съ перомъ спереди и 2) пожарныя каски (шлемы) съ галицкимъ гербомъ (левъ).

Женскій гимнастическій костюмъ украинскихъ „соколицъ“ не отличается отъ мужского, и украинцы первые въ Галичинѣ ввели широкія шаровары шведскаго типа въ то время, какъ въ другихъ подобныхъ обществахъ сохранены юбки.

Каждый отдѣлъ имѣетъ свое знамя—прямоугольный кусокъ красной красной (малпновой) матеріи съ вытканными или выбитыми орнаментами цвѣточнаго рисунка. Вокругъ—золотая бахрома съ кистями на углахъ, посрединѣ на голубомъ фонѣ—гербъ Львова (левъ, поднимающійся на скалу, съ короной на головѣ); на обратной сторонѣ—такое же изображеніе какого-нибудь святого, напр. патрона данной мѣстности, портретъ какого-нибудь гетмана, или же изображеніе пожарныхъ инструментовъ, какъ обычный цеховой знакъ и т. п. На верхушкѣ древка—металлическій соколъ съ распущенными крыльями и гириями въ лапахъ; къ нимъ прикрѣплена лента изъ голубой и желтой полосъ.

Львовскій „Соколъ“ (Товариство гимнастичне „Сокіл“) помѣщается на улицѣ Конерника № 9, въ центрѣ города, и пока ютится въ тѣсномъ помѣщеніи. Въ будущемъ предполагено построить собственный домъ. Администрація собирается каждый вечеръ въ 7 ча-

совѣ,—и начинается тихая работа: пишутся отвѣты на запросы отдѣленій, утверждаются новыя отдѣленія, распределяются отчеты пѣхъ, высылаются уставы, брошюры, таблицы, образцы разныхъ дѣловыхъ бумагъ, запаковываются пожарныя приважденности и костюмы, однимъ словомъ, соколамъ некогда скучать! Никакихъ праздныхъ разговоровъ, никакихъ принципиальныхъ споровъ не ведется. У каждого своей отдѣлъ, и въ случаѣ недоразумѣній обращаются къ головѣ. Последній—сравнительно молодой, всегда одинаково веселый, съ желѣзной волей и необыкновенно мягкій въ обращеніи человекъ, организаторъ и агитаторъ по натурѣ. Альфредъ Будзиновскій, братъ извѣстнаго публициста В. Будзиновскаго, служить чиновникомъ въ намѣстничествѣ, издаетъ юморстическій журналъ „Зеркало“ и всей душой преданъ „Соколу“. Соколы его любятъ, уважаютъ. Для нихъ онъ авторитетъ—и дисциплинѣ „Сокола“ можно позавидовать, хотя „голова“ для членовъ не начальство, а только „другъ“. Иначе нельзя называть его, и слова „панъ“,—обычное обращеніе въ Галичинѣ—вы здѣсь не встрѣтите.

III.

Въ настоящее время Львовскій „Соколъ“ имѣетъ 15 гимнастическихъ отдѣленій въ Галичинѣ: въ Бережанахъ, Будзановѣ, Бучачѣ, Каменкѣ „струмиловой“, Коломыѣ, Комарнѣ, Кутахъ, Перемышлѣ, Самборѣ, Станиславовѣ, Стрыѣ, Тернополѣ, Чертковѣ и Яворовѣ. Для того, чтобы составить представленіе о размѣрахъ и характерѣ дѣятельности этихъ гимнастическихъ отдѣленій,—приведемъ нѣсколько фактовъ и цифръ, касающихся одного изъ нихъ. Такъ, гимнастическое отдѣленіе „Сокола“ въ Тернополь разсчитываетъ уже построить собственный домъ. Судя по отчету 1905 года, Тернопольское отдѣленіе посѣщало 28 членовъ „Сокола“, 24 дѣвѣицы, 26 учениковъ, 22 ремесленника, 20 городскихъ мальчиковъ, 356 учениковъ мѣстной русской гимназій и 24 воспитанника учительской семинаріи. Втеченіе недѣли, въ среднемъ выводѣ, занимались гимнастикой 24 часа. Число всѣхъ членовъ дошло до 156;—и устроенные отдѣленіемъ праздники дали 1650 коронъ дохода. Общій оборотъ кассы за истекшій годъ выразился въ суммѣ 4577 коронъ; изъ остатковъ на постройку собственнаго зданія отчислено 1123 короны. Отдѣленіе основываетъ пожарныя отдѣленія въ округѣ Тернополь-Збаражъ-Скалатъ („Русланъ“ за 1906 годъ № 58).

Гимнастическія отдѣленія „Сокола“, которыя въ будущемъ могутъ составить ядро народнои милиціи и сыграть выдающуюся роль въ историческихъ судьбахъ народа, — въ настоящее время предста-

вляють собою все-таки показную, такъ-сказать, праздничную сторону украинскаго сокольства. Народъ не прочь посмотрѣть сокольскія забавы, онѣ занимають молодежь и т. д., но все-таки видимой пользы не приносятъ. Иное дѣло — пожарныя отдѣленія, число которыхъ съ каждымъ годомъ растетъ, и которыя пользуются большими симпатіями со стороны крестьянства. Идея ихъ распространяется главнымъ образомъ чрезъ читальни „Просвѣти“, чрезъ приходскихъ священниковъ и печать.

Въ пожарномъ отношеніи Галичина безъ „Сокола“, можно сказать, безпомощна больше, чѣмъ многіе европейскіе края. Въ восточной Галичинѣ большую помощь при тушеніи пожаровъ, оказали филиальныя отдѣленія „Сокола“. 110 филій, приславшихъ свои отчеты Львовскому „Соколу“ въ 1905 году, принимали участіе въ тушеніи свыше 180 пожаровъ, почему страховое общество „Дністеръ“ дало имъ въ награду свыше 3.000 коронъ.

„Соколы“ имѣютъ 242 пожарныхъ отдѣленія, въ которыхъ было около 15.000 членовъ, среднимъ числомъ по 65 на каждое отдѣленіе.

Организація новыхъ сельскихъ пожарныхъ отдѣловъ производится обыкновенно такимъ образомъ. На средства экономическаго украинскаго общества „Дністеръ“ во Львовѣ командируются особые инструкторы въ отдаленныя села, нуждающіяся въ устройствѣ отдѣленія или же выразившія отъ имени схода желаніе имѣть такое отдѣленіе. Курсы устраиваются нерѣдко подъ открытымъ небомъ, на опушкѣ лѣса или на площади около церкви. Собравшись крестьяне, читается сначала уставъ, причемъ нѣкоторые его пункты объясняются, послѣ чего начинается добровольная запись членовъ. Иногда на первый разъ бываетъ ихъ немного, но скоро число быстро увеличивается, особенно — послѣ перваго же тушенія пожара, послѣ интереснаго гимнастическаго упражненія и т. д. Происходятъ выборы головы, знаменосца, ихъ замѣстителей, секретаря и т. д. Затѣмъ выписывается изъ Львова полный нарядъ, а если онъ уже привезенъ самимъ инструкторомъ, то начинается практическое ученіе, вечеромъ — теоретическое; на послѣднее новые соколы идутъ попарно подъ звуки спеціального марша или пѣсни.

IV.

Центральный Львовскій „Соколъ“ ведетъ отчетность о дѣятельности всѣхъ отдѣленій. Особенно интересны отчеты пожарныхъ отдѣленій. Кромѣ вопросовъ, касающихся инвентаря даннаго отдѣленія, числа членовъ, расходовъ, притока и т. п., здѣсь помѣщено

множество вопросовъ общественнаго характера, отвѣты на которые даютъ интересный матеріалъ, не только для исторіи развитія пожарнаго дѣла въ Галичинѣ и роста сокольства, но и для исторіи всего національнаго дѣла украинцевъ въ этой злосчастной „польско-нѣмецкой провинціи“.

Прежде всего, бросается въ глаза отношеніе мѣстнаго правительства Львовскаго сейма къ украинскому и къ польскому „Соколамъ“. Несмотря на то, что украинскій „Сокольникъ“ находится въ прекрасныхъ общихъ отношеніяхъ къ „Związk'у“ польскихъ „Sokol'ow“ во Львовѣ,—польско-украинская борьба, это грустное явленіе общественной жизни восточной Галичины, отразилась и въ данномъ проявленіи національныхъ организацій. Въ 1905 году въ мѣстный сеймъ внесено было около 120 просьбъ разныхъ отдѣленій украинскаго львовскаго Сокола о пособіи, но эти ходатайства гдѣ то застряли, а затѣмъ были переданы... польскому „Союзу соколовъ“. Надо при этомъ замѣтить, что никакихъ корпоративныхъ сношеній между украинскимъ и польскимъ „Соколами“ не существуетъ, о чемъ Сейму, вѣроятно, не безызвѣстно. Что отвѣтили поляки—неизвѣстно, но результаты много говорятъ за себя. Такъ, до сихъ поръ получаетъ пособіе одинъ львовскій украинскій „Сокольникъ“, притомъ—всего 100 коронъ ежегодно, и только недавно, послѣ того какъ эта сумма не была принята, Сеймъ сталъ выдавать по 200 коронъ. Между тѣмъ польскій „Союзъ“ получаетъ болѣе 10.000 коронъ ежегодно. Отдѣленія же украинскаго „Сокола“ не получаютъ отъ правительства ничего.

О препятствіяхъ, чинимыхъ украинскому „Соколу“, не будемъ говорить подробно. Укажемъ только три факта изъ жизни нынѣшняго года. Львовское староство закрыло пожарный „Сокольникъ“ въ Гаяхъ за то, что его члены принимали участіе (конечно, личнаго, а не корпоративнаго характера) въ дѣлѣ выборной реформы. Бобрецкое и Теревольское староства запретили всѣмъ отдѣламъ того же общества носить знаки и играть сигналы на трубахъ. По этому поводу „Дѣло“ (1906 г. № 9) замѣчало, что подобное запрещеніе является только провокаціей спокойнымъ до сихъ поръ сокольскимъ товариществамъ, чтобы подъ предлогомъ нарушенія какихъ то постановлений можно было бы закрыть ихъ. „Носить знаки можетъ каждый членъ не политическаго общества въ Австріи, — писала газета, — и позволеніе носить ихъ не дѣло властей; труба же — единственный способъ сзывать пожарныхъ добровольцевъ въ случаѣ тревоги“. Но итъ худа безъ добра—и подобныя преслѣдованія только рекламировали самый „Сокольникъ“, о которомъ до преслѣдованій крестьяне въ

бобрекомъ староствѣ мало знали, а теперь число отдѣловъ въ немъ сразу же быстро увеличилось.

Очень торжественно обставлена присяга новыхъ „соколовъ“, одѣтыхъ въ простые и красивые мундиры, украшенныхъ широкими синими лентами. Они становятся стройными рядами посрединѣ церкви. Раскрывается малиновое знамя, — и дружными голосами всѣ повторяютъ слова присяги, общаясь повиноваться головѣ и хранить вѣрность сокольской пдѣѣ „для добра Руси-Украины“.

Такой же мыслью заканчивается „пожарная пѣсня“ украинскихъ соколовъ:

„Ми, Соколи, Русь бороним,
Від огню її хороним.
Як огонь нас не змагає,—
Жаде в орог не злякає.
Наші руки, наші груди
Здужать вражду напасть всюди
Тай Русь-Україну рідну
Зробим сильну и свобідну!“

Въ тяжеломъ положеніи украинцевъ Галичины эти слова служатъ бодрящимъ лозунгомъ, — и заканчивая нашъ очеркъ добрыми пожеланіями Львовскому „Соколу“, мы шлемъ его дружескій привѣтъ:
— Гарзд!

А. И. Яцимирскій.

